

— ВАЛЕРИЯ КУЛИНА —

Иногда титул
становится не привилегией,
а клеткой.

ГЕРЦОГИНЯ

СТАТЬ ГЕРЦОГИНЕЙ
ОКАЗАЛОСЬ ПРОЩЕ,
ЧЕМ НАУЧИТЬСЯ ЕЮ БЫТЬ.

+ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН + ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ + SLOW BURN MARRIAGE
+ СЕМЕЙНАЯ ДРАМА + ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС + СИЛЬНАЯ ГЕРОИНЯ

Валерия Кулина Герцогиня

<https://litres.ru/74264113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Амелия и Джеймс Блэквуд — молодая семья, стоящая во главе одного из самых влиятельных родов Англии. Вместе они создают академию нового времени для девушек и благотворительный госпиталь, мечтая изменить мир вокруг себя. Но высокий титул не защищает от боли, потерь и испытаний, знакомых каждому человеку.

Пока общество видит в Амелии лишь будущую мать наследника, ей приходится брать на себя ответственность за поместье, принимать решения, от которых зависят судьбы сотен людей, и доказывать окружающим, что сила человека определяется не происхождением и не полом, а способностью идти вперёд, несмотря ни на что.

Война, давление общества, тяжёлые утраты, предательство, борьба за право быть услышанной и страх вновь потерять самое дорогое навсегда меняют жизнь семьи Блэквудов. Рядом с Амелией остаются её лучшие подруги — Кэтрин, Лили и Розмари, каждая из которых проходит собственный путь любви, взросления и поиска своего счастья.

Валерия Кулина

Герцогиня

Глава 1.

Утренний свет медленно разливался по старому помещению, проникая сквозь высокие окна библиотеки и ложась тёплыми полосами на тёмное дерево пола. Дом просыпался неспешно — с приглушённым звоном посуды где-то внизу, шагами слуг в дальнем крыле и тихим потрескиванием углей в камине, который даже летом разжигали по привычке. Амелия стояла у открытого окна, держа в руках толстую папку с чертежами. Сад под окнами уже утопал в июньской зелени. Розовые кусты вдоль дорожек были аккуратно подрезаны, а у старого фонтана крутилась молоденькая горничная с корзиной свежего белья. Иногда Амелии всё ещё казалось странным, что теперь это место — её дом. Не временная комната в академии. Не чужое поместье, где она боялась сделать лишний шаг. Она перевернула страницу чертежей и нахмурилась.

— Если перенести библиотеку в восточное крыло, — произнесла она, не оборачиваясь, — то мы сможем освободить достаточно места для ещё двух аудиторий. За её спиной слышался тихий шелест бумаги.

— М-м. Амелия едва заметно улыбнулась.

— Вы опять меня не слушаете.

— Напротив. Я внимательно наблюдаю, как моя жена собирается разорить нас во имя женского образования. Она наконец обернулась. Джеймс сидел у камина в кресле с раскрытой книгой в руках. Утренний свет ложился на его лицо мягкими золотистыми тенями, подчёркивая привычно спокойное выражение глаз. За последние три года в нём стало меньше холодной сдержанности, которой когда-то боялись ученицы Эшборна. Теперь рядом с ним было тепло. По-настоящему тепло.

— Это не разорение, — возразила Амелия, подходя ближе. — Это реформа.

— Все катастрофы начинаются именно с этой фразы. Она тихо рассмеялась. На столике между креслами остывал чай. Утренние газеты так и лежали нетронутыми, потому что последние несколько месяцев все разговоры в доме так или иначе сводились к одному и тому же: войне на границах, реформам в парламенте и нехватке денег у половины аристократии. Страна менялась. И вместе с ней менялись они. После свадьбы Амелия и Джеймс приняли решение не возвращаться в Эшборн окончательно. Слишком многое там осталось в прошлом. Слишком многое болело. Вместо этого они начали создавать собственную академию — место, которое должно было стать совсем другим. Не школой для послушных благородных невест. А местом, где девушек учили бы думать. Изучать науки. Говорить вслух. Иметь право выбирать свою жизнь. Иногда Амелии казалось, что одно только

существование подобной идеи уже раздражало половину общества.

— Вчера за ужином леди Харрингтон назвала вас опасной женщиной, — невозмутимо заметил Джеймс.

— Надеюсь, хотя бы шёпотом?

— Нет. Достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие.

— Какое счастье.

— Но, должен признать, в её голосе звучало восхищение. Амелия усмехнулась и подошла к окну, тёплый ветер осторожно коснулся её лица. Три года назад она была сиротой без будущего, воспитанницей Эшборна, девушкой, которой приходилось бороться буквально за право быть замеченной, теперь слуги называли её «Ваша Светлость». Иногда ей до сих пор хотелось обернуться и проверить, не стоит ли за её спиной кто-то другой.

— Сегодня приедет моя мать, — произнёс Джеймс.

— Я помню.

— И Вивьен.

— Я тоже помню.

— И я почти уверен, что они снова будут пытаться осторожно задавать неудобные вопросы. Амелия замерла, лишь на секунду, но этого оказалось достаточно. Она медленно опустила взгляд на сад. Последние месяцы подобные разговоры действительно начали появляться всё чаще. Не напрямую, никто не говорил этого открыто, но иногда пожилые

родственницы слишком долго смотрели на неё во время ужинов. Иногда светские дамы с деланной заботой спрашивали, не слишком ли много времени герцогиня уделяет своей академии. Иногда в разговорах слишком часто звучало слово «наследник». Ей было девятнадцать. Всего девятнадцать, но общество уже начинало считать это проблемой. Амелия осторожно сжала пальцами край подоконника.

— Вчера леди Беркли спросила, не устаю ли я от работы.

— И что вы ответили?

— Что женщины способны думать и без угрозы немедленно умереть от переутомления. Джеймс тихо усмехнулся.

— Бедная леди Беркли.

— Она имела в виду вовсе не работу. Тишина в комнате стала тоньше. Не тяжёлой, но очень хрупкой. Джеймс закрыл книгу и поднялся с кресла.

— Амелия... Она быстро покачала головой.

— Всё хорошо. Ложь. Небольшая, привычная, почти незаметная ложь. Потому что иногда ей казалось: она начинает подводить его. Не как жена, а как герцогиня. Как женщина, которая должна была подарить роду наследника и хуже всего было то, что сам Джеймс никогда не давил. Никогда не упрекал и никогда даже не намекал. От этого становилось только тяжелее. Он остановился рядом с ней.

— Мы женаты всего три года.

— Для общества это звучит как «уже три года».

— Для меня — только три. Амелия отвела взгляд. Поче-

му-то именно его спокойствие заставляло сердце сжиматься сильнее.

— Возможно... проблема во мне. Лицо Джеймса мгновенно изменилось.

— Не говорите так. Это прозвучало неожиданно твёрдо. Она подняла глаза. В такие моменты в нём снова появлялся тот человек, которого когда-то боялся весь Эшборн. Только теперь этот холод был направлен не против неё, а против всего, что могло причинить ей боль.

— Но если—

— Нет, Амелия. Он осторожно взял её за руку. Тёплые пальцы. Спокойный взгляд. Человек, который когда-то стал её спасением.

— Вы не обязаны заслуживать право быть любимой, — тихо сказал он. У неё внезапно защемило глаза. Амелия быстро отвернулась к окну, будто снова заинтересовалась садом. Где-то внизу послышался голос дворецкого и шум подъехавшего экипажа. Джеймс едва заметно улыбнулся.

— Полагаю, семейное вторжение началось. Она глубоко вдохнула, стараясь вернуть привычное спокойствие.

— Если Вивиян снова начнёт рассказывать о новых поклонниках, я уеду обратно в академию.

— Боюсь, теперь вы слишком важная персона, чтобы вам позволили сбежать. Амелия всё-таки улыбнулась и всё же где-то глубоко внутри неё уже начинал расти страх, который она пока не умела назвать вслух. Снизу вновь слышались

голоса. Дом окончательно проснулся. Амелия быстро поправила выбившуюся прядь волос и отложила чертежи на стол.

— Готовы? — тихо спросил Джеймс.

— Нет.

— Очень жаль. Потому что Вивиан уже наверняка командует слугами. Амелия невольно улыбнулась. Они вместе вышли из библиотеки и направились вниз по широкой лестнице. Старое поместье наполнялось привычным шумом семейного визита — стуком каблуков, шелестом дорожных плащей, голосами слуг, принимающих багаж и почему-то именно эти звуки вдруг сделали утро уютным. Едва они появились в холле, как раздался знакомый голос:

— Наконец-то! Мы уже решили, что вы окончательно сбежали от общества в свои бесконечные книги! Вивиан стремительно пересекла холл прежде, чем кто-либо успел её остановить. За три года она стала ещё красивее — уже не легкомысленной девушкой из прошлого, а молодой женщиной с уверенной осанкой и удивительно живыми глазами. В её движениях появилась взрослая грация, но привычка говорить быстрее собственных мыслей никуда не исчезла. Амелия едва успела улыбнуться, как Вивиан крепко обняла её.

— Ты ужасно выглядишь, — заявила она с искренней тревогой.

— Как приятно, что ты начала утро именно с этого.

— Нет, правда. Ты снова мало спишь?

— Вивиан, — спокойно произнёс Джеймс.

— Что? Я проявляю заботу.

— Ты проявляешь способность пугать людей раньше завтрака. Вивиан закатила глаза.

— Боже, за три года брака ты стал ещё скучнее.

— А ты — ещё громче.

— Это семейное. Следом в холл вошла мать Джеймса. Леди Элеанор Блэквуд двигалась медленно, но всё с тем же достоинством, от которого даже слуги невольно выпрямлялись. Серебристые нити в её тёмных волосах стали заметнее за последние годы, однако взгляд оставался по-прежнему внимательным и тёплым. Амелия сразу шагнула ей навстречу.

— Добро пожаловать. Женщина мягко улыбнулась и коснулась её щеки ладонью.

— Моя дорогая девочка... ты похудела. Амелия тихо рассмеялась.

— Кажется, сегодня все решили обсудить мой внешний вид.

— Потому что ты работаешь больше, чем половина мужчин в парламенте, — заметила леди Элеанор Блэквуд.

— А это уже звучит как комплимент.

— Так и есть. В этот момент в холле появился младший брат Джеймса — Томас. Три года назад в нём ещё сохранялось что-то мальчишеское. Теперь же он заметно вытянулся, стал шире в плечах, а в голосе появилась новая уверенность. Но улыбался он всё так же легко.

— Надеюсь, меня здесь хотя бы покормят, — заявил он,

снимая перчатки. — Иначе я немедленно возвращаюсь обратно.

— Ты приехал час назад, — заметил Джеймс.

— Именно. И за этот час никто не предложил мне завтрак. Ужасающее гостеприимство. Амелия улыбнулась.

— Не слушайте его. Он говорил то же самое в прошлый раз, сидя за столом с четырьмя тарелками.

— Это была эмоциональная травма.

— Это была жадность. Томас театрально приложил руку к груди.

— Как больно видеть, что даже вы теперь на стороне моего брата.

— У тебя никогда не было шансов, — спокойно ответил Джеймс. Слуги уже принимали плащи и чемоданы, а в доме постепенно становилось шумнее и теплее. И только сейчас Амелия неожиданно поняла одну вещь: никто не заговорил о наследнике. Ни одного осторожного намёка. Ни одного слишком внимательного взгляда. Ни одного вопроса, которого она так боялась последние недели. Она почти физически почувствовала, как напряжение медленно отпускает плечи. Леди Элеанор Блэквуд тем временем внимательно осматривала холл.

— Здесь стало гораздо уютнее.

— Потому что Амелия постепенно перестраивает весь дом, — невозмутимо сообщил Джеймс.

— Кто-то должен спасти это мрачное место от вашего хо-

лостяцкого вкуса.

— Я до сих пор не понимаю, зачем в гостиной столько цветов.

— Потому что люди не должны чувствовать себя так, словно пришли на собственные похороны. Вивиан приснула от смеха.

— Вот именно поэтому я люблю приезжать сюда. Амелия взглянула на Джеймса. Он едва заметно улыбался — спокойно, почти лениво, наблюдая за шумом семьи вокруг. Внезапно ей стало легко.

— Кстати, — неожиданно произнесла Вивиан, — сегодня вечером леди Уинтерхолл устраивает чай. Амелия тихо застонала.

— Уже боюсь продолжения.

— Не смей отказываться. Там будут все девушки округа, и я устала одна выслушивать чужие разговоры о браках, платьях и катастрофически плохих музыкальных вкусах мужчин.

— Хорошо, — тихо сказала Амелия. — Тогда вечером мы едем на чай.

Дом леди Уинтерхолл всегда пах цветами. Даже зимой. Даже в дождь. Даже сейчас, посреди тёплого июньского вечера, когда окна просторной гостиной были распахнуты в сад, а мягкий ветер колыхал светлые шторы, в воздухе всё равно стоял густой аромат роз и лаванды. Амелия сидела на небольшом диване у окна, держа в руках фарфоровую чашку

с давно остывшим чаем, и вежливо улыбалась уже последние полчаса. Светские вечера почти никогда не менялись. Менялись только платья. Украшения. И лица детей, которых дамы приводили с собой.

— ...а потом Генри снова отказался есть овощи, представляете? — с живым возмущением рассказывала леди Беркли. — Я сказала няне, что если он продолжит так капризничать, то вырастет совершенно неуправляемым мужчиной.

— Мужчины и без того вырастают неуправляемыми, — заметила леди Харрингтон, вызывая тихий смех остальных.

— Особенно когда им исполняется пять.

— Или тридцать пять. Дамы снова рассмеялись. Амелия тоже улыбнулась. Так, как положено герцогине. Вокруг неё переливались голоса, шелестели юбки, позвякивал фарфор. За окнами догорал вечер, окрашивая сад в мягкие золотистые оттенки. Разговоры текли неспешно: о новых сортах роз, о ремонте оранжереи, о гувернантках, о кухарках, о детях, о детях, снова о детях.

— Моя младшая наконец перестала бояться пони, — с гордостью рассказывала одна из женщин. — Теперь она требует катать её каждое утро.

— А мой сын вчера устроил настоящий пожар в кабинете мужа.

— Боже, как?

— Решил, что свечой можно проверять качество бумаги. Снова смех. Амелия опустила взгляд в чашку. Ещё недавно

подобные разговоры казались ей просто скучными. Теперь же они почему-то начали цепляться внутри неприятной тяжестью. Она сама не заметила, как её ладонь медленно сжалась на тонкой ручке чашки.

— Ваша Светлость? Амелия подняла голову. Леди Беркли смотрела на неё с доброжелательной улыбкой. Слишком доброжелательной.

— Простите, я задумалась.

— Мы как раз говорили о том, как быстро летит время после свадьбы.

— О, да, — поддержала леди Харрингтон. — Кажется, будто только вчера вы были воспитанницей Эшборна.

— А теперь уже настоящая герцогиня, — мягко добавила другая женщина. Амелия улыбнулась. Почти автоматически.

— Иногда мне всё ещё сложно к этому привыкнуть.

— Это нормально, дорогая, — произнесла пожилая леди Аштон. — Особенно в вашем возрасте. Ей девятнадцать. Всего девятнадцать. Но рядом с этими женщинами она вдруг снова почувствовала себя так, словно от неё уже ожидали гораздо большего.

— Хотя время действительно летит быстро, — продолжила леди Беркли, размешивая ложечкой сахар. — Особенно после появления детей. После этого годы буквально исчезают.

— Совершенно верно, — кивнула леди Харрингтон. — Дом становится совсем другим.

— Более живым.

— Более шумным.

— Более настоящим. Что-то внутри Амелии болезненно дрогнуло. Она отвела взгляд к окну. В саду бегали дети. Две маленькие девочки в светлых платьях пытались поймать друг друга возле клумб, а мальчик лет шести размахивал деревянным мечом, изображая великого полководца. Одна из матерей наблюдала за этим с усталой, но счастливой улыбкой. И внезапно Амелии стало трудно дышать, но достаточно, чтобы почувствовать, как внутри медленно поднимается что-то тяжёлое и незнакомое.

— Впрочем, — неожиданно произнесла леди Аштон, — у вас с герцогом ещё всё впереди. Тишина длилась всего секунду, но Амелия почувствовала её почти физически. Леди Беркли тут же неловко улыбнулась:

— Разумеется. Вы ведь так молоды.

— И потом, — быстро добавила другая женщина, — мужчины часто даже рады сначала пожить спокойно.

— Особенно такие серьёзные мужчины, как герцог Блэквуд. Кто-то тихо рассмеялся. Амелия тоже заставила себя улыбнуться, но теперь она уже слышала это. Слышала то, чего раньше словно не существовало. Осторожность в голосах. Неловкость. Попытки сказать что-то мягко. Никто не говорил: «Почему у вас нет ребёнка?» Светское общество никогда не задавало подобных вопросов открыто. Оно делало хуже. Оно намекало. Очень медленно заставляя человека чув-

ствовать собственную неполноценность. Амелия поставила чашку на блюдце чуть раньше, чем следовало. Пальцы дрогнули.

— Ваша Светлость, вам нехорошо? — тут же спросила леди Харрингтон.

— Нет, всё в порядке. Ещё одна маленькая ложь. Потому что в эту секунду Амелия вдруг впервые по-настоящему почувствовала вес своего титула. Раньше быть герцогиней казалось почти чудом. Новой жизнью после всех трагедий прошлого, но теперь вместе с этим титулом на неё медленно начинало ложиться что-то другое. Обязанность. Ожидания. Давление. Словно весь мир уже решил: настоящая герцогиня обязана подарить семье наследника. Она невольно вспомнила Рейвеншир. Большие пустые комнаты, тихие коридоры, слишком просторную столовую, детскую, которая пока так и оставалась закрытой и вдруг ей стало страшно. А что, если однажды Джеймс тоже начнёт это чувствовать? Она тут же мысленно оборвала себя. Джеймс никогда не говорил ничего подобного. Никогда не давил. Никогда не упрекал, но общество уже начало смотреть на неё иначе.

И, возможно, это было только начало.

— Знаете, — неожиданно сказала леди Аштон, — когда я была молодой, моя свекровь начала намекать на наследника уже через полгода после свадьбы. Несколько женщин понимающе рассмеялись.

— О, моя тоже.

— Моя даже присылала мне детские чепчики.

— Это ещё ничего, мне однажды подарили колыбель.
Снова смех. Амелия улыбнулась вместе со всеми. Так, как положено, но внутри что-то уже изменилось. И возвращаясь взглядом к шумному саду за окнами, она вдруг впервые подумала о том, что счастье тоже может пугать. Особенно когда начинаешь бояться однажды его не оправдать.

К вечеру Рейвеншир становился особенно красивым. Старое поместье словно оживало в мягком свете сотен ламп и свечей. Тёмный камень стен приобретал тёплый медовый оттенок, длинные коридоры наполнялись приглушённым золотистым сиянием, а высокие окна отражали закат так, будто внутри дома медленно разгорался собственный огонь. Амелия стояла перед зеркалом в своей спальне, пока горничная осторожно закрепляла последние шпильки в её волосах. За окном уже начинал сгущаться летний вечер. Из сада тянуло ароматом роз и влажной травы после недавнего полива. Комната была наполнена спокойствием. Тем самым уютным, домашним спокойствием, которое Амелия когда-то считала недостижимым. На кровати лежало несколько платьев, отвергнутых ею за последние полчаса.

— Это слишком официально.

— А это слишком скромно.

— А это выглядит так, будто я собираюсь на похороны.
Горничная едва заметно улыбнулась. В итоге Амелия всё же выбрала платье глубокого тёмно-синего цвета — мяг-

кий шелк струился по фигуре лёгкими складками, а серебристая вышивка на рукавах напоминала тонкие зимние узоры на стекле. Не слишком торжественно, но достаточно красиво для семейного ужина. Она медленно подошла к туалетному столику. На бархатной подушечке лежали украшения. Большинство драгоценностей, подаренных после свадьбы, всё ещё казались ей слишком тяжёлыми. Слишком дорогими. Слишком «герцогскими». Иногда Амелии всё ещё трудно было привыкнуть к мысли, что теперь всё это принадлежит ей. Её пальцы осторожно коснулись тонкого серебряного браслета. Подарок Джеймса ещё в первый год брака. Именно поэтому она любила его больше остальных украшений. Амелия застегнула браслет на запястье и подняла взгляд к зеркалу. На мгновение ей вспомнилась девушка из Эшборна. Сирота, испуганная воспитанница, девушка, которая боялась смотреть преподавателю в глаза слишком долго. Теперь эта девушка стала герцогиней. Иногда ей казалось, будто всё это произошло не с ней. Тихий стук в дверь вырвал её из мыслей.

— Войдите.

Джеймс появился на пороге уже переодетым к ужину. Тёмный сюртук сидел на нём безупречно, подчёркивая привычную собранность, но в глазах уже читалась лёгкая усталость долгого дня. Он остановился на несколько секунд, просто глядя на неё и Амелия вдруг поймала себя на том, что даже спустя три года всё ещё немного смущается под этим

взглядом.

— Что? — тихо спросила она.

— Ничего.

— Это явно было «ничего» длиной не меньше десяти секунд. В уголках его губ появилась улыбка.

— Вы прекрасны, Амелия. Она опустила взгляд, стараясь скрыть невольное тепло в лице.

— Леди Харрингтон сегодня сказала бы, что это заслуга портных.

— Леди Харрингтон ошибается чаще, чем считает. Амелия тихо рассмеялась. Джеймс подошёл ближе и осторожно коснулся её запястья.

— Вы снова надели этот браслет.

— Потому что он мне нравится.

— Даже несмотря на то, что он слишком простой для герцогини? Она подняла взгляд.

— Именно поэтому он мне и нравится. Несколько секунд они просто стояли в тишине. Такой, которой у Амелии никогда не было в детстве, а потом снизу раздался голос Томаса:

— Если вы не спуститесь сейчас, я начну ужин без вас! Амелия невольно улыбнулась.

— Кажется, ваш брат готов умереть от голода.

— Он готов умереть от голода каждые три часа. Они вместе вышли из комнаты. Главная лестница Рейвеншира уже была освещена свечами. На стенах висели старые портреты Блэквудов — строгие мужчины, женщины в тёмных платьях,

поколения семьи, смотрящие на дом с почти одинаковым выражением лица. Когда-то эти портреты пугали Амелию. Теперь она привыкла к ним настолько, что иногда даже здоровалась мысленно с некоторыми из них по утрам. Из столовой доносились голоса и запахи ужина. Тёплый хлеб, запечённое мясо, розмарин, вино, свежая зелень. Большая столовая Рейвеншира выглядела особенно уютно вечером. Огромный дубовый стол отражал свет свечей, серебряные приборы мягко поблёскивали, а высокие окна уже утонули в темноте летней ночи. Леди Элеанор сидела во главе стола с привычным достоинством, но сейчас в её взгляде было куда больше тепла, чем официальности. Вивиан оживлённо рассказывала что-то слугам ещё до начала ужина, а Томас уже успел стащить кусок хлеба раньше остальных.

— Томас, — спокойно произнёс Джеймс.

— Что?

— Мы ещё даже не сели.

— Я поддерживаю силы организма.

— Ты поддерживаешь собственную жадность. Вивиан рассмеялась.

— Оставь его. Если Томас не будет устраивать трагедию вокруг еды, я начну беспокоиться. Амелия села рядом с Джеймсом, и слуги начали подавать блюда. Сначала густой крем-суп с белыми грибами и травами. Потом — запечённая утка с яблоками и розмарином, молодой картофель в сливочном соусе, свежий хлеб с хрустящей корочкой и неболь-

шие тарталетки с сыром. Амелия до сих пор иногда удивлялась тому, насколько сильно семейные ужины отличаются от холодных официальных приёмов. Здесь никто не пытался казаться идеальным. Томас смеялся слишком громко. Вивиан перебивала всех подряд. Леди Элеанор периодически смотрела на детей так, словно одновременно гордилась ими и устала от них за всю жизнь. Именно поэтому здесь было хорошо.

— Кстати, — неожиданно произнесла Вивиан, — мне всё ещё кажется, что академия Амелии вызывает у половины округа лёгкий сердечный приступ.

— Только у половины? — невозмутимо уточнил Джеймс.

— У второй половины полноценный.

— Значит, мы движемся в правильном направлении, — спокойно заметила Амелия. Томас усмехнулся.

— Вчера в городе кто-то заявил, что женщины скоро начнут изучать политику. Вивиан театрально ахнула.

— Боже упаси.

— Именно так я и ответил.

— Томас, — вздохнула Леди Элеанор.

— Что? Я поддерживаю семейную традицию пугать общество. Амелия улыбнулась, отпивая немного вина.

— А какие планы у вас самого, мистер Блэквуд? — спросила она. Томас откинулся на спинку стула.

— Я всё ещё думаю о военной академии. В комнате на секунду стало чуть тише. Леди Элеанор медленно подняла

взгляд.

— Томас.

— Я не сказал, что уже решил.

— Но думаешь об этом всё чаще, — спокойно заметил Джеймс. Томас пожал плечами, хотя в глазах его уже появилась серьёзность.

— Я не хочу всю жизнь просто ездить на охоту и посещать чужие ужины.

— Война — это не приключение, — тихо сказал Джеймс.

— Я знаю. Но прозвучало это так, словно на самом деле он ещё не понимал до конца. Амелия невольно посмотрела на Томаса внимательнее. Он действительно повзрослел. Не только внешне. В нём появилось беспокойство молодого мужчины, который ищет своё место в жизни.

— А вы? — Вивиан перевела взгляд на Джеймса. — Кроме спасения женского образования, у вас есть планы?

— Несколько.

— Звучит опасно.

— Мы хотим открыть ещё одно крыло академии к следующему году. Амелия подняла голову.

— Вы не говорили, что уже согласны.

— Я понял, что сопротивление бесполезно примерно месяц назад. Она тихо рассмеялась.

— Кроме того, — продолжил Джеймс, — я собираюсь добиваться разрешения на расширение учебной программы. Вивиан прищурилась.

— То есть вы действительно хотите учить девушек наукам?

— Представьте себе.

— Скандально.

— Именно поэтому это так интересно. За окнами окончательно стемнело. Свечи отражались в бокалах. Где-то далеко шумел ветер в саду. Дом дышал теплом, голосами и жизнью. И сидя за длинным столом среди семьи Блэквудов, Амелия вдруг впервые за весь день почувствовала, как тревога внутри становится чуть тише. Пусть ненадолго, но сейчас этого было достаточно.

Глава 2.

Амелия проснулась от солнечного света, тёплого, мягкого, почти золотого. Он медленно проникал сквозь полупрозрачные льняные занавеси, ложась длинными полосами на деревянный пол спальни и белоснежное покрывало. Где-то за окнами лениво шумели старые дубы, а из сада доносилось звонкое утреннее пение птиц. Она не открывала глаза ещё несколько секунд, просто лежала, наслаждаясь тишиной дома. Тёплый воздух пах свежескошенной травой, лавандой и нагретым солнцем деревом. Где-то вдалеке негромко хлопнула дверь, послышались шаги прислуги — Рейвеншир медленно просыпался. Амелия привычно повернулась на другой бок и машинально протянула руку к соседней половине кровати, пусто, но простыни всё ещё хранили тепло. Она неволь-

но улыбнулась, за время брака почти ничего не изменилось. Джеймс по-прежнему вставал раньше всех в доме. Каким-то совершенно невероятным образом он успевал ещё до завтрака объехать часть поместья, просмотреть письма, провести несколько встреч в академии и при этом выглядеть так, будто только что неторопливо выпил утренний чай. Амелия наконец открыла глаза. Высокий потолок спальни, тёмные книжные шкафы, тяжёлые бархатные шторы, старинный камин — всё это давно перестало казаться ей чужим, когда-то Рейвеншир пугал её своими размерами, теперь он стал домом. Она медленно села на кровати, накинув на плечи лёгкий халат, на прикроватном столике, как всегда, лежали раскрытая книга Джеймса, его очки и серебряные часы. Амелия невольно провела пальцами по кожаному переплёту книги. Ей всегда казалось удивительным, как сильно можно любить подобные мелочи. Не дорогие украшения, не фамильные драгоценности, а вещи, которыми человек пользуется каждый день. Тихий стук в дверь отвлёк её от мыслей.

— Войдите. В комнату вошла Мэри, молодая горничная, аккуратно держа серебряный поднос с чаем и утренней почтой.

— Доброе утро, Ваша Светлость.

— Доброе утро, Мэри. Девушка поставила поднос на небольшой столик у окна и улыбнулась.

— Его Светлость просил передать, что уехал в академию ещё до рассвета. Амелия тихо усмехнулась.

— Я даже не сомневалась.

— И ещё... Мэри немного замялась, словно старалась в точности вспомнить слова хозяина.

— Он сказал, что если вы снова забудете позавтракать из-за работы, то вечером лично запрет вас в кабинете без документов. Амелия рассмеялась.

— Неужели именно так и сказал?

— Почти слово в слово.

— Похоже, он слишком хорошо меня знает.

— Думаю, именно поэтому и сказал. Когда горничная вышла, Амелия подошла к окну, держа в руках чашку горячего чая. Перед ней раскинулся утренний Рейвеншир. В саду уже работали садовники, аккуратно подрезая кусты белых роз. Возле фонтана две маленькие дочери одной из служанок собирали опавшие лепестки в плетёную корзинку и о чём-то весело спорили. Чуть дальше, у конюшен, конюхи выводили лошадей на прогулку, а над всем поместьем медленно поднимался лёгкий золотистый туман. Вдали, за аллеей старых дубов, виднелась крыша новой академии. Амелия задержала на ней взгляд, иногда ей до сих пор не верилось, что всё это действительно существует, когда-то она была сиротой без дома и будущего. Теперь недалеко с её домом возвышалась академия, которую они с Джеймсом строили почти по кирпичику. Место, где сотни девушек однажды смогут получить не только образование, но и возможность самостоятельно выбирать свою жизнь. Эта мысль неизменно согревала ей серд-

це. Она сделала ещё один глоток чая и только теперь вспомнила, какой сегодня день. Сегодня к ней приезжали подружки, впервые за долгое время они снова соберутся все вместе. Амелия улыбнулась. Последнее письмо от Кэтрин лежало в ящике её письменного стола. Подруга почти ничего не писала о себе, но в конце, будто между прочим, добавила одну короткую фразу: “Кажется, при встрече мне будет о чём вам рассказать.” Амелия подозревала, что эта новость связана с тем самым молодым человеком, о котором Кэтрин однажды лишь вскользь упомянула и почему-то ей казалось, что сегодняшний день станет особенным не только из-за долгожданной встречи. Она ещё не знала, насколько была права.

Спустя час весь Рейвеншир окончательно проснулся. Из кухни доносился аромат свежей выпечки и горячего кофе, по коридорам торопливо проходили горничные с вазами, наполненными только что срезанными пионами и белыми розами, а где-то во дворе уже слышался знакомый перестук копыт. Амелия подняла голову от книги.

— Они приехали... Она даже не попыталась идти спокойно. Почти бегом спустилась по широкой лестнице, придерживая лёгкую юбку платья. Дворецкий, заметив её поспешность, только понимающе улыбнулся.

— Доброе утро, Ваша Светлость.

— Доброе утро, мистер Хадсон. Простите... сегодня правила приличия немного подождут.

— Думаю, ваши подружки с этим полностью согласятся. Ед-

ва Амелия распахнула двери, как увидела знакомую карету, первой, как и следовало ожидать, наружу буквально выпорхнула Розмари. Она подняла взгляд на огромный фасад Рейвеншира, потом заметила Амелию и театрально всплеснула руками.

— Лили! Кэтрин! Смотрите! Герцогиня умеет бегать! Амелия звонко рассмеялась.

— А ты всё ещё не умеешь молчать.

— Конечно нет. Кто-то же должен поддерживать разговор. Следующей вышла Лили, она сразу подошла к Амелии и крепко её обняла.

— Я так скучала...

— Я тоже.

— Всего три недели прошло.

— Для меня это очень долго. Лили тихо улыбнулась.

— Ты совсем не изменилась.

— Надеюсь, это комплимент.

— Конечно. Последней из экипажа появилась Кэтрин, как всегда безупречно собранная. Светло-бежевое платье идеально сидело по фигуре, шляпка с тонкой вуалью слегка прикрывала лицо, но взгляд Амелии сразу остановился совсем на другом, на тонком золотом кольце. Кэтрин машинально коснулась его пальцами, словно ещё не до конца привыкла к его существованию. Амелия ничего не сказала, лишь подошла и крепко обняла подругу.

— Рада тебя видеть.

— И я... На несколько секунд они просто молча стояли рядом, иногда слов действительно было не нужно.

— Ну всё, — возмущённо произнесла Розмари. — Я чувствую себя совершенно лишней. Амелия рассмеялась.

— Не переживай. Это чувство быстро пройдёт.

— Потому что я сама о себе напому.

— В этом я даже не сомневалась. Все четверо одновременно рассмеялись, на мгновение Амелии показалось, будто они снова ученицы Эшборна, будто впереди обычный учебный день, а не совсем другая взрослая жизнь.

Завтрак накрыли в солнечной гостиной. Большие окна были распахнуты настежь, лёгкий ветер шевелил кружевные занавеси, а на длинном столе уже стояли чайники, фарфоровые чашки, свежая выпечка, домашний мёд, ягоды, сыр, масло и несколько тарелок с ещё горячими булочками. Розмари, не дожидаясь приглашения, первой потянулась за одной из них. Кэтрин даже не подняла головы.

— Мы ещё даже не начали завтракать.

— Именно поэтому булочки пока ничьи.

— Розмари...

— Что? Если я спасу хотя бы одну булочку от остывания, это будет благородный поступок. Лили тихо рассмеялась.

— Иногда мне кажется, что ты принимаешь решения исключительно желудком.

— Он ни разу меня не подводил.

— В отличие от здравого смысла, — улыбнулась Амелия.

Розмари только довольно пожала плечами.

— Здоровый смысл никогда не пахнет корицей. Все снова засмеялись. Некоторое время разговор шёл о пустяках. О том, как изменился Рейвеншир, о новых преподавателях, о том, что Лили вновь привезла Амелии целую стопку медицинских книг, потом неожиданно наступила короткая тишина. Кэтрин медленно поставила чашку на блюдце, несколько секунд задумчиво смотрела на чай. Потом глубоко вдохнула.

— Мне... кажется, я тоже должна рассказать вам одну новость. Розмари сразу оживилась.

— Только не говори, что решила стать монахиней. Кэтрин рассмеялась.

— Нет.

— Тогда я заинтригована. Она снова машинально коснулась кольца, на этот раз это заметили уже все. Амелия первой перевела взгляд на её руку, потом медленно подняла глаза.

— Кэтрин?.. Та немного смущённо улыбнулась.

— Через несколько недель... Я выхожу замуж. В комнате сразу стало необычайно тихо, даже Розмари не нашлась, что сказать. Лили первой прикрыла рот ладонью.

— Правда?.. Амелия почувствовала, как её лицо само собой озарила улыбка.

— Кэтрин... Поздравляю. Она поднялась со своего места и крепко обняла подругу, следом их обняли Лили и Розмари.

— Так нечестно, — наконец произнесла Розмари. — Мы приехали просто завтракать, а нас тут такими новостями

встречают. Кэтрин рассмеялась сквозь лёгкое смущение.

— Я хотела рассказать вам лично.

— И правильно сделала, — мягко сказала Амелия. — Теперь рассказывай всё. Кто он? Кэтрин невольно опустила взгляд, будто и сама не знала, с чего начать. Она несколько секунд медленно вращала чашку в ладонях, потом улыбнулась, совсем немного.

— Его зовут Ричард. Розмари сразу подняла брови.

— Уже неплохо. Продолжай.

— Он старший сын семьи Хоторнов. Наши родители знакомы очень давно. Несколько месяцев назад они начали обсуждать возможность нашего брака, а потом... Она пожала плечами.

— Всё произошло очень быстро.

— И ты молчала всё это время? — удивилась Амелия.

— Потому что сама не понимала, что чувствую. Лили внимательно посмотрела на неё.

— Он сделал предложение?

— Да.

— И? Кэтрин слегка улыбнулась.

— Очень красиво. Мы гуляли по саду их поместья. Он долго рассказывал о своём доме, о родителях, о том, что мечтает когда-нибудь открыть небольшую школу для детей работников имения. Она на мгновение задумалась.

— Потом остановился. Сказал, что понимает: такие браки редко начинаются с любви, но очень хотел бы сделать всё,

чтобы однажды я почувствовала себя рядом с ним счастливой. Амелия заметила, как изменился её взгляд, в нём появилась теплота..

— Это были хорошие слова. Тихо сказала она.

— Да. Кэтрин кивнула.

— Именно поэтому мне стало ещё тяжелее. Розмари нахмурилась.

— Почему?

— Потому что... Она опустила глаза.

— Он действительно хороший человек, очень спокойный, внимательный, всегда спрашивает, как я себя чувствую, помнит, какие книги мне нравятся, никогда не перебивает, слушает. Она тихо рассмеялась.

— Представляете? На прошлой неделе он запомнил, что я однажды сказала, будто люблю жасмин и прислал мне не огромный дорогой букет, как принято, а маленький горшочек с жасмином. С запиской: “Пусть он цветёт у вашего окна, пока вы не переедете в наш дом.” Лили невольно улыбнулась.

— Как красиво...

— Да. Очень. Кэтрин снова замолчала, потом честно сказала:

— Но я всё равно не люблю его. За столом повисла тишина, не тяжёлая, скорее задумчивая. Амелия первой нарушила молчание.

— А что ты чувствуешь? Кэтрин долго искала правильные слова.

— Мне спокойно рядом с ним. Я ему доверяю. Мне никогда не бывает страшно, но... Она грустно улыбнулась.

— Моё сердце молчит. Розмари глубоко вздохнула.

— А оно обязательно должно кричать? Все посмотрели на неё, она пожала плечами.

— Нет, правда. Мы всё время говорим о любви так, будто это молния с неба. Может, она бывает разной? Амелия задумчиво покачала головой.

— Бывает. Очень разной. Кэтрин посмотрела на неё.

— Я иногда смотрю на вас с Джеймсом... и понимаю, что никогда не видела, чтобы мужчина так смотрел на женщину. Она улыбнулась.

— Даже когда вы молчите, кажется, будто вы всё равно разговариваете. Амелия смущённо отвела взгляд.

— Это потому, что мы слишком давно вместе.

— Нет. Спокойно ответила Кэтрин.

— Это потому, что вы любите друг друга. Лили кивнула.

— Я тоже всегда это замечаю. Амелия тихо рассмеялась.

— Вы сейчас заставите меня покраснеть.

— Уже заставили. Подхватила Розмари.

— Посмотрите на неё. Настоящая влюблённая герцогиня. Все снова засмеялись. Амелия покачала головой.

— Вы неисправимы.

— Зато счастливые.

— Почти все. Тихо добавила Кэтрин. Амелия сразу взяла её за руку.

— Послушай меня, очень внимательно. Кэтрин подняла глаза.

— Не думай, что если сейчас ты не испытываешь того, что испытывала я, значит, никогда не испытаешь. Любовь не приходит по приглашению, она не спрашивает разрешения, иногда ей нужен месяц, иногда год, иногда целая жизнь, главное... Она улыбнулась. — Чтобы рядом оказался человек, который будет ждать её вместе с тобой, а не требовать её немедленно. Кэтрин долго молчала, потом тихо сказала:

— Мне кажется... Он именно такой.

— Тогда не бойся. Дай вашей истории возможность начаться. Розмари звонко хлопнула ладонями по столу.

— Всё! Хватит серьёзных разговоров, теперь моя очередь задавать важные вопросы. Все невольно рассмеялись.

— Какие ещё вопросы? — спросила Лили.

— Самые главные. Она театрально выпрямилась.

— Кто следующая выходит замуж? Лили едва не подавилась чаем.

— Только не начинай...

— Начинаю. Амелия улыбнулась.

— Я думаю, Лили.

— Нет! Слишком быстро ответила та.

— Почему же?

— Потому что... Лили окончательно смутилась.

— Я вообще не умею разговаривать с мужчинами. Розмари победно посмотрела на остальных.

— Вот видите. Я же говорила. Она краснеет быстрее, чем успевает познакомиться.

— Это неправда...

— Правда. Помнишь аптекаря? Лили закрыла лицо ладонями.

— Розмари...

— Он всего лишь спросил, где находится библиотека.

— А ты потом три дня ходила в неё через другой вход, — со смехом закончила Амелия. Кэтрин уже смеялась вместе со всеми.

— Неужели это правда? Лили только тихо простонала:

— Мне кажется, я зря сюда приехала.

— Неправда. Совершенно серьёзно сказала Розмари.

— Потому что именно ты выйдешь замуж лучше всех. Лили удивлённо подняла голову.

— Это ещё почему? Розмари хитро улыбнулась.

— Потому что судьба всегда любит удивлять, вот увидишь. Однажды появится какой-нибудь благородный, красивый, умный мужчина... который посмотрит на тебя и сразу поймёт, что ты — его судьба. Лили звонко рассмеялась.

— И обязательно герцог?

— Нет. Розмари сделала вид, что задумалась.

— Герцог уже занят. Тогда... Пусть будет самый достойный мужчина во всей Англии после герцога.

— Такого не существует. С улыбкой сказала Лили. Амелия переглянулась с Кэтрин и почему-то вдруг подумала, что

жизнь уже не раз доказывала им одну простую истину. Никогда не стоит говорить слово «никогда». Кэтрин ещё некоторое время улыбалась, качая головой.

— Если через несколько лет окажется, что вы были правы, я лично напомню вам сегодняшний разговор.

— Мы будем только рады, — рассмеялась Амелия.

— Особенно если Розмари действительно окажется пророком.

— Конечно окажусь. Та с самым серьёзным видом пригладила волосы.

— Я вообще редко ошибаюсь.

— Очень смелое заявление.

— Это не заявление. Это факт. Лили покачала головой.

— Иногда я думаю, что твоей уверенности хватило бы на всех нас четверых.

— Именно поэтому мы до сих пор дружим. Она подмигнула.

— Кто-то же должен принимать важные решения. Все снова рассмеялись. За разговором они и не заметили, как на столе почти ничего не осталось. Слуги бесшумно убирали пустые тарелки, меняли чайники, приносили свежие ягоды, в гостиной стало необыкновенно спокойно. За открытыми окнами шелестели деревья, ветер приносил аромат цветущих роз, а где-то совсем рядом тихо журчал фонтан. Амелия на несколько секунд задумалась, потом неожиданно поднялась.

— Ну что? Три пары глаз одновременно посмотрели на неё.

— Мне кажется, теперь моя очередь вас удивлять. Розмари сразу оживилась.

— Вот! Я знала, что ты что-то задумала. Амелия загадочно улыбнулась.

— Возможно.

— Нет-нет-нет. Так не пойдёт. Она поднялась вслед за ней.

— Мы требуем подробностей.

— Не получите.

— Амелия...

— Даже не пытайся. Кэтрин с интересом посмотрела на подругу.

— Это связано с академией? Амелия лишь загадочно улыбнулась.

— Может быть.

— Значит, связано.

— Не обязательно.

— Ты сейчас улыбаешься так же, как Джеймс, когда скрывает какой-нибудь сюрприз. Амелия рассмеялась.

— Неужели я стала на него похожа?

— К сожалению.

— Тогда у вас нет никаких шансов узнать заранее. Розмари театрально всплеснула руками.

— Какая несправедливость! Лили тихо улыбнулась.

— Может быть, просто доверимся ей?

— Никогда.

— Почему?

— Потому что любопытство — мой главный недостаток.

— Или достоинство. Поправила Амелия.

— Нет. Достоинство — это умение всё-таки узнать секрет.

Кэтрин рассмеялась.

— Тогда попробуем угадать. Она задумалась.

— Новый сад?

— Нет.

— Библиотека?

— Нет.

— Конюшни?

— Нет.

— Озеро? Амелия снова покачала головой. Розмари уже начала ходить вокруг неё.

— Хорошо. Давай подсказку, всего одну. Амелия сделала вид, что серьёзно размышляет.

— Ладно. Она подняла указательный палец.

— Это место ещё не закончено. Подруги переглянулись.

— Стройка?

— Почти.

— Новый корпус?

— Уже теплее. Лили вдруг тихо произнесла:

— Это связано с вашей мечтой? Амелия посмотрела на неё и улыбнулась особенно тепло.

— Да. Именно так. Кэтрин нахмурилась.

— С твоей?

— С нашей.

— Вашей с Джеймсом? Амелия кивнула.

— Мы очень долго работали над этим и сегодня я хочу, чтобы первыми из всех гостей это увидели именно вы, на несколько секунд в комнате повисла заинтересованная тишина, потом Розмари решительно хлопнула ладонями.

— Всё! Больше я не выдержу, поехали немедленно.

— Даже не спросишь, далеко ли ехать?

— Нет.

— А вдруг очень далеко?

— Тогда будем мучиться от любопытства дольше. Все рассмеялись.

— Иногда мне кажется, что ты совершенно невозможный человек.

— Зато нескучный.

— Это правда. Амелия подошла к окну. Во дворе уже стояла подготовленная карета, лошади нетерпеливо переступали с ноги на ногу, а кучер, заметив хозяйку, снял шляпу в знак приветствия. Она обернулась к подругам, на секунду задержала на каждой взгляд, когда-то они были просто четырьмя девочками, мечтавшими изменить свою жизнь. Сегодня каждая стояла на пороге собственной судьбы и ей вдруг очень захотелось разделить с ними место, которое стало воплощением её самой большой мечты.

— Ну что, мои дорогие... Она протянула им руку и улыбнулась.

— Поедем? Мне не терпится показать вам место, которое навсегда изменило мою жизнь.

Вскоре между деревьями начали появляться светлые каменные здания академии. И даже издалека было видно: она совсем не походила на Эшборн. Никаких тяжёлых серых стен. Никаких узких окон, напоминающих монастырь. Никакого ощущения, будто само здание годами наблюдает за ученицами с холодным осуждением. Новая академия выглядела живой, солнечной, свободной. Она располагалась на просторном холме недалеко от Рейвеншира, окружённая садами и молодыми клёнами. Светлый камень стен мягко переливался под июньским солнцем, а большие окна отражали небо так ярко, что всё здание казалось наполненным воздухом и светом. Амелия невольно почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Даже спустя столько месяцев. Она всё ещё не могла привыкнуть к мысли, что это место действительно существует, что они с Джеймсом действительно смогли его создать. Экипаж остановился у центральной лестницы. На мгновение подруги просто замолчали.

— Боже мой... — первой тихо произнесла Лили. Её голос прозвучал почти восхищённо. Широкие мраморные ступени вели к высоким стеклянным дверям. Вдоль дорожек цвели белые и голубые гортензии, а в центре внутреннего двора

журчал небольшой фонтан. Несколько учениц сидели прямо на траве под деревьями с раскрытыми книгами и Амелия невольно улыбнулась, заметив выражение лиц подруг, потому что они тоже поняли это сразу. Здесь было легко дышать. Это место не давило. Не заставляло выпрямлять спину от страха. Не внушало чувство, будто ты постоянно недостаточно хороша. Эшборн был величественным, но холодным. Здесь же всё выглядело иначе. Словно сама академия говорила: тебе не нужно бояться.

— Амелия... — Кэтрин медленно огляделась. — Это невероятно. Розмари поднялась по ступеням первой.

— Если внутри ещё лучше, я начну ревновать.

— Ты уже ревнуешь.

— Да. Но пока достойно. Они вошли в главный холл и вот тут подруги окончательно остановились. Высокое пространство было залито солнечным светом. Огромные окна тянулись почти до потолка, светлые стены украшали картины, карты мира и полки с книгами, а вместо привычной гробовой тишины здесь звучала жизнь. Где-то наверху девушки оживлённо спорили о чём-то, и Амелия даже смогла различить слово «философия». У одной из лестниц две ученицы сидели прямо на полу с тетрадами, увлечённо обсуждая лекцию и никто не делал им замечаний. Никто не смотрел на них с осуждением.

— Это... — Лили медленно повернулась вокруг себя. — Здесь совсем не страшно. Амелия тихо улыбнулась.

— Именно этого мы и хотели. Она провела ладонью по светлым деревянным перилам лестницы.

— В Эшборне всегда было ощущение, будто стены наблюдают за тобой. Кэтрин тихо кивнула. Она понимала. Все они понимали. Тяжёлые коридоры, шёпот, вечные правила, страх ошибиться.

— А здесь никто не должен бояться, — спокойно сказала Амелия. Розмари внимательно посмотрела на неё и в её взгляде впервые появилось что-то очень мягкое. Почти гордость. Они медленно шли по длинному коридору второго этажа. Повсюду был свет. Окна выходили в сад, и тёплый ветер свободно гулял по коридорам, шевеля лёгкие занавеси. На подоконниках стояли цветы в горшках, а возле аудиторий висели расписания занятий, написанные аккуратным почерком, но главное было даже не в этом. Главное — девушки. Они выглядели спокойными, живыми, настоящими.

Кто-то торопился на лекцию с кипой книг. Кто-то смеялся. Кто-то спорил у окна. Амелия остановилась возле одной из дверей. Из аудитории доносился голос преподавательницы. Женщины-преподавательницы.

— Здесь работают не только мужчины, — сказала Амелия. — Мы специально искали образованных женщин и пригласили их преподавать. Кэтрин удивлённо подняла брови.

— И общество позволило это? Розмари тихо фыркнула.

— Общество сейчас где-то медленно умирает от ужаса. Амелия рассмеялась.

— Им платят столько же, сколько мужчинам. На этот раз подруги действительно замолчали.

— Ты серьёзно? — переспросила Кэтрин.

— Джеймс настоял на этом с самого начала.

— Боже... — выдохнула Лили. Они вошли в просторную аудиторию естественных наук. Большие окна были распахнуты настежь, пропуская внутрь запах лета и свежей травы. На длинных столах лежали книги, карты, схемы человеческого тела и анатомические рисунки. Розмари подошла ближе почти с детским восторгом.

— Амелия...

— Здесь девушки могут изучать медицину, — мягко сказала она. Розмари медленно провела пальцами по обложке одного из учебников и впервые за всё время не нашлась с саркастичным ответом.

— Мы расширили программу, — продолжила Амелия. — Здесь можно изучать историю, литературу, языки, естественные науки, медицину, математику, философию, право, архитектуру, музыку, живопись...

— Архитектуру? — удивилась Лили.

— Почему нет?

— Потому что половина мужчин уверена, что женщины неспособны даже самостоятельно распоряжаться деньгами.

— Именно поэтому мы и открыли эту академию. Они продолжали идти дальше. Амелия рассказывала всё спокойнее и свободнее, и подруги замечали: в эти моменты она словно

светилась изнутри. Не как герцогиня, а Как человек, который наконец нашёл своё настоящее место в жизни.

— Здесь могут учиться девушки из любых семей, — сказала она чуть позже. — Из богатых. Из бедных. Сироты тоже. Кэтрин медленно повернулась к ней.

— И к ним действительно относятся одинаково?

— Да.

— Но это же...

— Скандально? — подсказала Розмари.

— Немного революционно, — честно призналась Кэтрин. Амелия улыбнулась.

— Возможно. Они подошли к библиотеке и даже Розмари на секунду потеряла дар речи. Высокие книжные стеллажи уходили почти под потолок, солнечный свет струился сквозь огромные окна, а воздух был наполнен запахом бумаги, чернил и старых книг, но здесь не было давящей тишины. Две девушки оживлённо обсуждали что-то у дальнего стола. Кто-то читал прямо на широком подоконнике. Кто-то тихо смеялся между рядами книг. Библиотека жила и Амелия вдруг поймала себя на мысли, что именно так всегда должна была выглядеть школа. Не как место наказания, а как место, где человек впервые понимает: мир намного больше, чем ему рассказывали раньше. Они ещё долго ходили по академии. Иногда останавливаясь возле очередной аудитории или окна. Время от времени Амелия замечала на себе взгляды учениц — уважительные, тёплые, искренние. Кто-то тихо привет-

ствовал её, кто-то смущённо улыбался, а одна совсем юная девушка едва не уронила книги, пытаясь одновременно поклониться и удержать стопку тетрадей и каждый раз Амелия отвечала им мягко и спокойно. Без холодной дистанции, к которой привыкло большинство аристократов. Подруги замечали это. Очень хорошо замечали.

— Они тебя обожают, — тихо сказала Лили, когда очередная ученица, покраснев, быстро прошла мимо них. Амелия слегка смутилась.

— Не думаю, что—

— Нет, думают, — перебила Розмари. — И я их понимаю. Кэтрин остановилась возле большого окна, из которого открывался вид на внутренний двор. Внизу несколько девушек помогали преподавательнице переносить книги, кто-то сидел прямо на траве с конспектами, а две ученицы спорили так эмоционально, будто решали судьбу мира и почему-то именно это выглядело удивительно правильным.

— Ты действительно изменила это место, — тихо произнесла Кэтрин. Амелия подняла взгляд.

— Нет. Мы только начали.

— Нет, — мягко повторила Кэтрин. — Я не про стены и не про учебные программы. Она медленно улыбнулась. Совсем не так сдержанно, как обычно.

— Ты изменила саму идею того, какой может быть жизнь для девушек вроде нас. В коридоре стало тихо. Даже Розмари не нашлась с привычной шуткой сразу. Амелия почувство-

вала, как внутри неожиданно становится тяжело и тепло одновременно, потому что ещё несколько лет назад она сама не верила, что подобное вообще возможно.

— В Эшборне мне казалось, что вся наша жизнь уже расписана заранее, — тихо сказала Лили. — Хороший брак, дом, дети, приёмы. Розмари фыркнула.

— Ужасающе скучно.

— Иногда мне всё ещё страшно думать, что можно хотеть чего-то большего, — призналась Кэтрин. Амелия медленно посмотрела на них. На девушек, с которыми они когда-то шёпотом разговаривали по ночам под одеялами в Эшборне. На девушек, которые плакали вместе с ней, смеялись, боялись. А теперь стояли здесь — в новой академии, в новом мире, который они сами начинали создавать.

— Вы имеете право хотеть большего, — тихо сказала она. И в этот момент Розмари неожиданно подошла к ней и крепко взяла за руку.

— Я тобой горжусь, Амелия Грейсон. Это прозвучало без насмешки.

Лили тут же обняла Амелию с другой стороны.

— Я тоже. Кэтрин улыбнулась чуть смущённо, но в глазах её уже стояли слёзы.

— Боюсь, если вы сейчас начнёте плакать, я тоже начну, — пробормотала она.

— Тогда мы все будем выглядеть ужасно, — заявила Розмари. Амелия рассмеялась сквозь неожиданно подступив-

шие эмоции. Именно в этот момент она вдруг особенно остро поняла: они действительно выросли. Больше не испуганные воспитанницы Эшборна, но всё ещё рядом друг с другом. За окнами медленно начинал опускаться вечер. Солнце становилось мягче, золотя стены академии и длинные коридоры. Внизу слуги уже зажигали первые фонари вдоль дорожек, а в саду вечерний ветер шевелил молодые клёны. Лили первой вздохнула.

— Нам, наверное, пора возвращаться.

— К сожалению, — театрально добавила Розмари. — Иначе общество окончательно решит, что мы сбежали в революционную коммуну образованных женщин.

— Разве это не так? — невинно спросила Амелия.

— Боже, Джеймс на тебя плохо влияет. Они медленно спустились по главной лестнице. В холле уже становилось тише. Большинство учениц разошлись по комнатам или вечерним занятиям, и академия постепенно погружалась в мягкое вечернее спокойствие. У дверей подруги ещё раз обернулись и Амелия вдруг увидела это в их глазах. Надежду, потому что теперь каждая из них понимала: жизнь может быть больше, чем их когда-то учили.

Глава 3.

К вечеру академия постепенно затихала. Шум голосов становился тише, коридоры пустели, а золотистый свет заходящего солнца медленно скользил по светлым стенам и деревянным перилам лестниц. Амелия стояла у окна второго

этажа, провожая взглядом экипаж подруг. Лили ещё долго махала рукой из окна кареты. Розмари что-то эмоционально рассказывала кучеру. Кэтрин, как всегда, сидела ровно и сдержанно, хотя Амелия успела заметить её улыбку и почему-то после их отъезда академия сразу стала тише. Она медленно выдохнула и уже собиралась спуститься вниз, когда позади раздался незнакомый голос:

— Ваша Светлость. Амелия обернулась. У лестницы стояла высокая женщина лет сорока пяти в тёмно-зелёном платье с идеально прямой осанкой и холодным внимательным взглядом. Рядом с ней неловко замерла девушка-ученица — вероятно, дочь. Женщина выглядела именно так, как и должны выглядеть люди, привыкшие осуждать других с безупречной вежливостью.

— Леди Мортимер, — тихо подсказала одна из преподавательниц, проходя мимо. Амелия вежливо кивнула.

— Рада знакомству.

— Взаимно, Ваша Светлость. Но тон её говорил обратное. Амелия сразу это почувствовала. Леди Мортимер медленно оглядела коридор: большие окна, девушек с книгами, расписания занятий, открытые двери аудиторий. И в её взгляде промелькнуло что-то похожее на плохо скрываемое неодобрение.

— Признаться, ваша академия производит... необычное впечатление.

— Надеюсь, хорошее. Женщина едва заметно улыбнулась.

— Это зависит от того, что считать хорошим. Повисла короткая тишина. Дочь леди Мортимер заметно нервничала. Амелия спокойно сложила руки перед собой.

— Вас что-то беспокоит?

— Меня беспокоит многое, Ваша Светлость. И вот теперь голос её стал холоднее.

— Например, то, что моя дочь вчера пришла домой и заявила, что женщины имеют право самостоятельно распоряжаться собственными деньгами. Амелия моргнула.

— Что ж... это действительно так. Леди Мортимер посмотрела на неё почти с сожалением.

— Видите ли, в этом и заключается проблема. Мимо них прошли несколько учениц, тихо обсуждая лекцию по литературе. Женщина проводила их взглядом.

— Раньше академии воспитывали достойных жён.

— А теперь?

— А теперь, судя по всему, девушек учат спорить с обществом. Амелия почувствовала, как внутри медленно поднимается знакомое напряжение, но внешне её лицо осталось спокойным.

— Мы учим их думать.

— Иногда это одно и то же.

— Не думаю. Леди Мортимер слегка приподняла подбородок.

— Моя дочь приехала сюда, чтобы стать благородной жен-

щиной. А не изучать философию, политику и... — она бросила взгляд на расписание, — основы права.

— Благородная женщина тоже имеет право быть образованной.

— Для чего? Вопрос прозвучал резко.

— Для семьи? Для детей? Для мужа? Женщина не обязана жить так, словно ей необходимо соперничать с мужчинами. Амелия медленно вдохнула. За окнами вечерний ветер шевелил деревья, а где-то внизу ещё слышались голоса учениц. Она вдруг очень ясно вспомнила Эшборн. Постоянное чувство, будто твою жизнь уже расписали за тебя.

— Мы никого не заставляем отказываться от семьи, — спокойно сказала Амелия. — Но женщина должна иметь выбор.

— Выбор? — тихо повторила леди Мортимер. — Вы действительно считаете, что подобные идеи делают женщин счастливее?

— Да. Женщина посмотрела на неё долгим взглядом.

— Вы очень молоды, Ваша Светлость. Эти слова почему-то задели сильнее, чем должны были.

— Возможно.

— И именно поэтому вы пока не понимаете, насколько опасны подобные реформы. Её дочь заметно побледнела.

— Мама...

— Нет, Кларисса. Ты должна это слышать. Леди Мортимер снова перевела взгляд на Амелию.

— Общество держится на порядке. На традициях. На ролях, которые существуют веками.

— Иногда традиции тоже бывают несправедливы.

— А иногда молодые женщины просто слишком увлекаются красивыми идеями. Тишина между ними стала ощутимо холоднее. Амелия почувствовала странную усталость. Потому что внезапно поняла: это только начало. Таких людей будет много.

— Надеюсь, — тихо произнесла леди Мортимер, — вы хотя бы понимаете, что общество никогда не примет всё это так легко. Амелия медленно посмотрела вокруг: на светлые коридоры, на книги, на девушек, на академию, которую они строили почти по кирпичу. А затем спокойно ответила:

— Когда-то общество не принимало и мысль о том, что женщины вообще заслуживают образования. Леди Мортимер поджала губы. Разговор был окончен. Она коротко кивнула и направилась к лестнице, увлекая за собой дочь. Амелия осталась стоять одна посреди коридора и только сейчас почувствовала, как сильно сжались её плечи.

Обратно в Рейвеншир она ехала уже в темноте. Экипаж мягко покачивался на неровной дороге, за окнами мелькали редкие огни деревень, а небо медленно затягивали тяжёлые вечерние облака. Амелия сидела, глядя в окно и почти не замечая дороги. Слова леди Мортимер всё ещё звучали в голове: «Общество держится на порядке. Вы слишком молоды. Опасные реформы». Она устало прикрыла глаза. Поче-

му-то именно сегодня всё это задело сильнее обычного. Возможно потому, что где-то глубоко внутри неё всё ещё жила та самая испуганная девушка из Эшборна. Девушка, которую годами учили: не спорить, не выделяться, не хотеть слишком многого, а теперь она сама пыталась изменить правила и это пугало даже её саму. Когда экипаж наконец остановился у Рейвеншира, в окнах уже почти не горел свет. Дом спал. Амелия быстро поднялась по лестнице, надеясь, что Джеймс ещё не лёг, но спальня оказалась пустой. На письменном столе лежали бумаги и несколько раскрытых книг — значит, он снова задержался в кабинете или в академии. Она медленно сняла перчатки. Комната погрузилась в тихое вечернее спокойствие, но внутри неё самой спокойствия не было. Амелия подошла к окну. Рейвеншир тонул в темноте. Только где-то далеко у конюшен мерцал фонарь. Она вдруг почувствовала себя очень уставшей. Слишком молодой для всей этой ответственности. Слишком живой для мира, который так отчаянно сопротивлялся переменам и всё же отступить она не собиралась. Даже если это означало постепенно наживать себе врагов. Амелия медленно легла в постель, укрываясь одеялом. Место рядом всё ещё оставалось пустым и впервые за долгое время тишина спальни показалась ей не уютной, а тревожной.

Утро в Рейвеншире наступило раньше, чем Амелии хотелось. Она проснулась ещё до того, как солнце окончательно поднялось над садом. Несколько секунд неподвижно лежа-

ла, глядя в высокий потолок спальни. Вчерашний разговор с леди Мортимер всё ещё звучал где-то на краю сознания. Казалось, ночью слова незнакомки только крепче укоренились в памяти. «Вы слишком молоды... Опасные реформы...» Амелия медленно закрыла глаза. Ей вдруг впервые за долгое время захотелось никуда не идти, не спорить, не убеждать, не доказывать никому, что женщины имеют право учиться, работать и выбирать собственную судьбу. Просто остаться дома, хотя бы на один день, но уже через несколько секунд где-то далеко в коридоре хлопнула дверь, раздались быстрые шаги слуг, а снизу донёсся голос дворецкого, отдававшего распоряжения. Дом просыпался и вместе с ним просыпались многочисленные обязанности, которые невозможно было отложить. Сегодня вечером должен был состояться большой бал, об этом напоминало буквально всё, весь дом жил предстоящим вечером и только Амелия чувствовала себя так, словно этот праздник происходил где-то очень далеко от неё. Она медленно поднялась с постели, накинула лёгкий домашний халат и подошла к окну. Рейвеншир заливал мягкий утренний свет, такой же спокойный и красивый, каким он был всегда, но внутри неё самой покоя не было. Ей совершенно не хотелось ехать на бал, не хотелось снова слышать светские разговоры, улыбаться людям, которые будут обсуждать не идеи, а титулы, платья и чужие судьбы. После вчерашнего дня это казалось особенно бессмысленным. Она тихо вздохнула.

— Ещё немного... Почти прошептала сама себе.

— Хотя бы до вечера. Через несколько минут, уже одевшись в простое светлое платье, Амелия незаметно вышла из спальни. Вместо того чтобы спуститься в гостиную, где уже начинались приготовления к празднику, она свернула в длинный западный коридор. Туда, где находился её кабинет.

Она знала: если сейчас откроет папки с чертежами академии, письмами попечителей и финансовыми отчётами, то хотя бы на несколько часов сможет забыть обо всём остальном. Работа всегда помогала ей привести мысли в порядок и именно этого ей сейчас не хватало больше всего. Закрыв за собой дверь кабинета, Амелия наконец позволила дому жить собственной жизнью. А себе — хотя бы ненадолго спрятаться от неё.

К вечеру Рейвеншир наполнился привычной предбалльной суетой. По коридорам быстро передвигались слуги, где-то внизу хлопали дверцы экипажей, а в спальне Амелии уже почти полчаса шла борьба между ней, горничной и слишком сложной причёской.

— Если я умру от количества шпилек в голове, виноваты будете вы, — пробормотала Амелия, глядя на своё отражение.

— Ваша Светлость преувеличивает.

— Ваша Светлость чувствует себя оружейной стойкой. Горничная тихо рассмеялась. Платье для бала Амелия выбрала ещё утром. Глубокого винного оттенка, с мягким ат-

ласным блеском и длинными струящимися рукавами. Ткань красиво подчёркивала тонкую талию и мягко переливалась при каждом движении, будто живая. На шее — тонкая цепочка с небольшим рубином. В ушах — серьги, подаренные Леди Элеанор в первый год брака. Ничего чрезмерного. Амелия терпеть не могла выглядеть как рождественская ёлка, несмотря на все старания общества убедить её в обратном. Когда она наконец поднялась из-за туалетного столика, в дверь тихо постучали.

— Войдите. Джеймс появился на пороге уже полностью готовым к вечеру и Амелия на секунду замолчала. Потому что, как бы она ни привыкла к нему за эти годы, некоторые вещи всё ещё действовали на неё слишком сильно. Тёмный фрак сидел безупречно, подчёркивая широкие плечи и привычную спокойную уверенность. Свет от камина мягко ложился на его лицо, делая взгляд ещё глубже. Он тоже остановился, глядя на неё. Очень внимательно.

— Ну? — спросила Амелия, пытаясь скрыть смущение.

— Мне начинает казаться, что вы специально хотите довести половину мужчин на балах до отчаяния. Она тихо рассмеялась.

— Разве это не ваша работа?

— Моя работа — делать вид, что я совершенно спокоен.

— И как успехи?

— Катастрофические. Амелия улыбнулась шире. Джеймс подошёл ближе и осторожно поправил выбившуюся прядь

её волос. Этот жест был таким привычным и всё же сердце Амелии по-прежнему предательски замирало.

— Вы нервничаете? — тихо спросил он. Она вздохнула.

— Немного.

— Из-за бала?

— Из-за людей. Он понимающе улыбнулся. Потому что они оба знали: светское общество умеет быть утомительным. Особенно для женщины, которая посмела начать менять правила.

— Тогда у меня есть предложение, — спокойно произнёс Джеймс.

— Какое?

— Мы переживаем этот вечер, танцуем один танец, улыбаемся нужным людям, а потом сбегаете домой. Амелия тихо рассмеялась.

— Это звучит очень недостойно герцога.

— За три года брака вы дурно на меня влияете.

— Наконец-то. Он наклонился чуть ближе и коротко поцеловал её. Так, словно они были одни во всём мире, а затем тихо произнёс:

— Вы прекрасны, Амелия. И почему-то именно это всегда звучало у него так, будто он говорил не о платье.

Поместье Уинтерхоллов сияло огнями. Огромный особняк был освещён сотнями фонарей и свечей, музыка доносилась ещё с подъездной аллеи, а перед главным входом выстроилась целая линия экипажей. Слуги помогали дамам вы-

ходить из карет, шуршали дорогие ткани платьев, поблёскивали драгоценности. Бал уже был в самом разгаре. Когда Амелия вошла в главный зал под руку с Джеймсом, на них сразу обратили внимание. Она почувствовала это мгновенно. Герцог и герцогиня Блэквуд всегда привлекали слишком много внимания. Зал Уинтерхоллов выглядел роскошно до почти болезненной вычурности. Огромные люстры сверкали под потолком, стены были украшены позолотой и тяжёлыми бордовыми драпировками, а воздух оказался настолько душным от количества людей, духов и свечей, что Амелии почти сразу захотелось открыть окно. Музыка оркестра разливалась по залу, смешиваясь с шумом голосов и смехом.

— Если здесь станет ещё хоть немного жарче, кто-нибудь обязательно упадёт в обморок, — тихо пробормотала Амелия.

— Обычно это происходит ближе к десерту. Она едва удержалась от смеха. Именно в этот момент заиграл вальс. Джеймс сразу посмотрел на неё.

— Потанцуете со мной, Ваша Светлость?

— Только если вы не собираетесь снова обсуждать политику прямо во время танца.

— Я обещаю страдать молча. Амелия вложила ладонь в его руку и спустя несколько секунд они уже двигались среди других пар. Несмотря на шумный зал, рядом с Джеймсом ей всегда становилось удивительно спокойно. Он танцевал так же, как говорил: уверенно, сдержанно, бережно. И когда его

ладонь мягко легла ей на талию, Амелия вдруг снова почувствовала себя той самой девушкой из Эшборна, которая когда-то боялась даже смотреть на него слишком долго.

— Вы снова задумались, — тихо заметил Джеймс.

— Просто вспоминаю.

— Что именно? Она слегка улыбнулась.

— Как сильно я вас боялась. В уголках его губ появилась мягкая улыбка.

— А теперь? Амелия подняла взгляд.

— Теперь я вас люблю. На короткое мгновение выражение его лица стало почти беззащитным. Будто даже спустя три года подобные слова всё ещё действовали на него слишком сильно. Когда танец закончился, их почти сразу окружили знакомые. Мужчины увели Джеймса обсуждать какие-то дела и новости парламента, а Амелия осталась среди группы светских дам возле длинных окон зала. Разговор сначала был совершенно безобидным. Одна из женщин рассказывала о поездке в столицу. Другая — о новом украшении маркизы. Третья обсуждала семью, не приехавшую на бал.

— Говорят, муж леди Розенталь снова проиграл половину состояния.

— Боже, какой позор.

— А её старшая дочь якобы собирается сбежать с офицером.

— Нет, правда? Женщины тихо засмеялись. Амелия молча слушала, держа в руках бокал шампанского. Почему-то

подобные разговоры всегда оставляли после себя неприятный осадок. Слишком много удовольствия от чужих проблем.

— Впрочем, — неожиданно произнесла одна из дам, переводя взгляд на Амелию, — у вас, Ваша Светлость, жизнь куда интереснее наших скучных разговоров. Амелия вежливо улыбнулась.

— Боюсь, моя жизнь гораздо скучнее, чем вам кажется.

— О, не думаю.

— Ваша академия сейчас обсуждается буквально везде. Тон был по-прежнему мягким, но Амелия уже слишком хорошо научилась слышать скрытые оттенки.

— Особенно после того, как туда начали принимать девушек из обычных семей, — добавила другая женщина.

— Это ведь правда?

— Да, — спокойно ответила Амелия. Повисла короткая пауза.

— Очень... смело с вашей стороны.

— Некоторые семьи теперь даже боятся отправлять туда дочерей, — заметила леди Харрингтон. — Людям трудно привыкать к подобным переменам.

— Представьте только: дочери аристократов учатся рядом с детьми торговцев.

— Мир определённо меняется. Амелия чувствовала, как внутри снова начинает медленно расти напряжение, но внешне её лицо оставалось совершенно спокойным.

— Я считаю, образование должно быть доступно всем девушкам.

— Конечно, дорогая, — мягко произнесла пожилая леди Аштон. — Просто со временем ваши взгляды наверняка станут... более семейными. Что-то неприятно кольнуло внутри.

— Простите? Женщина улыбнулась почти снисходительно.

— Ну, когда у вас появятся дети, вам станет не до академий. Несколько дам понимающе улыбнулись.

— Да, материнство быстро меняет приоритеты.

— Особенно первый ребёнок.

— И потом, — добавила одна из женщин, — вам уже давно пора подарить Рейвенширу наследника. Амелия почувствовала, как пальцы сильнее сжались вокруг бокала. Она могла ответить, но вместо этого только спокойно улыбнулась.

— Благодарю за заботу. Именно эта сдержанность почему-то смутила женщин сильнее возможного конфликта. Амелия мягко кивнула и отошла прежде, чем разговор успел продолжиться. Музыка в зале вдруг начала казаться слишком громкой. Воздух — слишком душным. Она быстро направилась к выходу из зала и почти сразу заметила Джеймса у дверей библиотеки. Он сразу понял: что-то случилось.

— Амелия? Она подошла ближе.

— Поедем домой. Ни одного лишнего вопроса. Только короткий внимательный взгляд. И через несколько минут они

уже покидали Уинтерхолл. В экипаже было тихо. За окнами медленно тянулась тёмная дорога, а внутри кареты мягко покачивался свет небольшого фонаря. Амелия долго молчала, а потом всё-таки тихо произнесла:

— Они считают, что я занимаюсь академией только потому, что мне нечем заполнить жизнь. Джеймс медленно повернул голову к ней. Она рассказывала спокойно. О разговорах. О намёках. О наследнике. О том, как женщины смотрели на неё. И чем дольше она говорила, тем мрачнее становился его взгляд, когда Амелия наконец замолчала, Джеймс осторожно взял её за руку.

— Послушайте меня внимательно. Она подняла глаза.

— Я люблю вас.

— И я горжусь вами больше, чем любыми титулами, академиями или мнением этих людей. У Амелии защипало глаза.

— Но если они правы—

— Они не правы. Он произнёс это сразу. Без малейших сомнений.

— Вы делаете то, чего никто до вас не осмеливался делать. Конечно, это вызывает сопротивление. Она устало прислонилась головой к его плечу и впервые за весь вечер снова почувствовала себя в безопасности. Некоторое время они ехали молча, а затем Джеймс тихо произнёс:

— Завтра утром вам нужно к врачу. Амелия едва заметно напряглась.

— Я помню.

— Я должен уехать в соседнее поместье ещё до рассвета. В его голосе сразу появилась вина.

— Джеймс...

— Я не хочу оставлять вас одну в такой день. Она мягко переплела свои пальцы с его.

— Всё будет хорошо. Но он всё равно выглядел обеспокоенным.

— Я очень надеюсь на это, Амелия. Экипаж медленно двигался сквозь ночную тишину. И впервые за долгое время Амелия почувствовала страх настолько отчётливо, но уже поселившийся где-то глубоко внутри неё.

Глава 4.

Амелия проснулась ещё до рассвета. Комната была погружена в мягкий серо-голубой полумрак раннего утра. За окнами едва начинал светлеть сад Рейвеншира, а где-то далеко внизу уже слышались приглушённые шаги слуг, разводивших огонь в каминах. Она медленно повернула голову. Половина кровати рядом уже остыла. Джеймс уехал. На мгновение сердце неприятно сжалось от одиночества, но почти сразу её взгляд заметил сложенный лист бумаги на прикроватном столике. Амелия осторожно взяла записку. Почерк Джеймса она узнала бы среди сотни других. «Мне жаль, что я не могу быть рядом сегодня. Постарайтесь не бояться заранее. И помните: я люблю вас. Всегда. — Дж.» Она перечитала строчки дважды. Потом ещё раз и только после этого

прижала записку к груди, закрывая глаза. Иногда нескольких слов от него хватало, чтобы внутри становилось чуть легче, но не сегодня. Сегодня страх всё равно никуда не исчез. Он сидел где-то глубоко внутри с самого вечера. Амелия медленно поднялась с постели и подошла к окну. Рейвеншир ещё спал. Сад был покрыт тонкой утренней дымкой, мокрая трава серебрилась после ночной росы, а старые деревья едва заметно качались под прохладным ветром. Обычно такие утра успокаивали её, но сейчас внутри было слишком шумно от собственных мыслей. Через час горничная помогала ей собираться. Амелия почти не слышала, что та говорит. Кажется, речь шла о погоде. О новом платье Вивиан. О письме от поставщиков тканей, но слова проходили мимо. Она сидела перед зеркалом, механически позволяя расчёсывать волосы, застёгивать пуговицы платья, поправлять воротник. Сегодня Амелия выбрала очень простое платье — светло-серое, почти без украшений. Волосы тоже собрала максимально скромно. Сил притворяться спокойной у неё не было.

— Ваша Светлость, экипаж готов, — тихо произнесла горничная. Амелия кивнула и только встав с кресла, поняла, насколько холодными стали её пальцы.

Город встретил её привычным утренним шумом. Колёса экипажа стучали по мостовой, за окнами мелькали магазины, прохожие, конные экипажи, женщины с корзинами, мальчишки-разносчики газет. Мир жил своей обычной жизнью и от этого почему-то становилось ещё страшнее. При-

ём врача находился в частной городской лечебнице — большом светлом здании на тихой улице недалеко от центра. Амелия наблюдалась здесь уже несколько месяцев. Осмотры. Исследования. Настои. Бесконечные вопросы. Каждый раз она надеялась услышать: «Ничего серьёзного.» Каждый раз врач просил подождать ещё немного. Сегодня был последний приём. Она поняла это сразу по выражению лица доктора Уитмора. Пожилой мужчина поднялся ей навстречу слишком медленно. Слишком осторожно, и сердце Амелии ухнуло куда-то вниз ещё до того, как он заговорил.

— Ваша Светлость... прошу, присядьте. Она села. Пальцы дрожали так сильно, что пришлось сжать их вместе. За окнами кабинета шумел ветер. Где-то в коридоре послышались шаги. Доктор долго перебирал бумаги перед собой. Слишком долго.

— Мы получили результаты последних исследований. Амелия смотрела на него, почти перестав дышать.

— И? Он поднял взгляд. В его глазах уже была жалость и именно это уничтожило её раньше самих слов.

— Мне очень жаль, Ваша Светлость. Дальше мир словно начал звучать приглушённо. Будто через воду.

— Ваш организм... — голос врача становился далёким, — вероятность беременности крайне мала... Амелия почувствовала, как немеют руки. Потом ноги. В ушах появился тонкий звенящий шум. Она всё ещё смотрела на доктора, но уже почти не понимала слов.

— ...иногда подобные случаи бывают связаны со стрессом...

— ...можно попробовать сменить климат...

— ...отдых у моря...

— ...существуют семьи, берущие детей из сиротских приютов... Сиротских приютов. Почему-то именно эти слова ударили сильнее остальных. Амелия медленно моргнула и внезапно увидела перед собой не кабинет врача. Эшборн. Себя. Совсем юную. Одинокую. Сироту без семьи. Её сердце болезненно сжалось.

— Ваша Светлость? Доктор говорил что-то ещё, но она уже почти не слышала. В голове билась только одна мысль: Я не смогу подарить Джеймсу ребёнка. Она не помнила, как вышла из кабинета. Не помнила лестницу лечебницы. Не помнила, как садилась в экипаж. Только ощущение странной пустоты внутри. Будто из неё разом вытащили что-то жизненно важное. Дорога обратно в Рейвеншир показалась бесконечной. Амелия сидела неподвижно, глядя в окно невидящим взглядом. Всё стало каким-то далёким. Она пыталась думать о Джеймсе. О том, что он скажет. Как посмотрит на неё. Разочаруется ли. Нет, Джеймс не такой, но страх всё равно медленно душил её изнутри, потому что теперь она чувствовала себя сломанной. Неправильной. Недостаточной. Когда экипаж остановился у Рейвеншира, Амелия почти сразу вышла, не дожидаясь помощи слуг. Дом встретил её привычной тишиной, но сегодня эта тишина казалась

почти чужой.

— Ваша Светлость? — обеспокоенно позвала гувернантка, заметив её лицо. — Вам нехорошо? Амелия быстро покачала головой.

— Я хочу побыть одна. Она поднялась по лестнице так быстро, как только смогла. Спальня встретила её полумраком и запахом лаванды. И стоило двери закрыться за спиной, как всё внутри наконец рухнуло. Амелия медленно сползла вниз по стене прямо на пол. Первый всхлип вырвался неожиданно резко. Потом второй. А затем слёзы уже невозможно было остановить. Она плакала так, словно внутри разрывалось что-то живое. Закрывая лицо руками. Пытаясь дышать. Пытаясь хоть как-то собрать себя обратно, но боль была слишком большой. Слишком страшной. Стук в дверь раздался через какое-то время.

— Ваша Светлость... пожалуйста... откройте... Гувернантка. Амелия зажмурилась ещё сильнее.

— Я не хочу никого видеть... Голос прозвучал хрипло и почти неузнаваемо. За дверью стало тихо, а Амелия продолжала лежать на холодном полу спальни, прижимая руки к лицу. Она даже не заметила, в какой момент слёзы начали заканчиваться. Тело ныло от усталости. Голова раскалывалась. Глаза горели. И в какой-то момент, обессиленная собственным отчаянием, Амелия просто уснула прямо на полу. Одна. Среди полумрака тихой спальни Рейвеншира.

Когда экипаж Джеймса остановился у Рейвеншира, на

улице уже окончательно стемнело. Поместье тонуло в мягком вечернем свете — в окнах горели лампы, у входа мерцали фонари, а над садом медленно поднимался прохладный ночной туман. Джеймс вышел из экипажа почти сразу. Он устал. Долгий день в соседнем поместье, бесконечные разговоры, документы, встречи — всё это обычно не раздражало его, но сегодня внутри с самого утра жило беспокойство. Он слишком хорошо знал Амелию, чтобы не понимать, как сильно она боится этого приёма у врача. Стоило ему войти в холл, как навстречу почти сразу вышла гувернантка и одного взгляда на её лицо хватило, чтобы внутри у него всё похолодело.

— Где она? Женщина замялась.

— Ваша Светлость... герцогиня попросила никого не беспокоить её. Джеймс даже не ответил. Он уже поднимался по лестнице. Почти не слыша ничего вокруг. Дверь спальни оказалась не заперта. Комната была погружена в полумрак. Лишь одна лампа у камина давала слабый тёплый свет и сначала Джеймс даже не понял, что видит. Амелия спала прямо на полу возле кровати, свернувшись так, будто пыталась стать меньше. Рядом валялась скомканная ткань платья. Шпильки. Салфетка, мокрая от слёз. У Джеймса болезненно сжалось сердце.

— Амелия... Она не проснулась. Только тихо вздрогнула во сне. Он медленно опустился рядом на колени и только сейчас заметил: её глаза опухли от слёз. Что они сделали

с ней в этой проклятой лечебнице? Он осторожно коснулся её волос. Амелия резко проснулась. Несколько секунд она смотрела на него потерянным взглядом, будто не сразу понимая, где находится, а потом всё вспомнила. И лицо её сразу дрогнуло.

— Джеймс... Голос сорвался почти сразу. Он осторожно поднял её с пола и посадил на край кровати.

— Почему вы лежали здесь? Она отвела взгляд.

— Я не хотела никого видеть. Джеймс молча убрал с её лица растрепавшиеся волосы и именно эта осторожность внезапно окончательно сломала её. Амелия закрыла лицо руками и снова заплакала. Не так отчаянно, как днём. Но, кажется, ещё сильнее.

— Мне жаль... — выдохнула она сквозь слёзы. — Мне так жаль...

— Нет. Он сразу взял её руки в свои, заставляя посмотреть на него.

— Даже не думайте сейчас извиняться.

— Но я не могу... Голос дрожал.

— Я не смогу подарить тебе ребёнка. Эти слова будто разорвали воздух между ними. Она наконец произнесла это вслух и от этого боль стала ещё реальнее. Амелия смотрела на него с ужасом, словно ждала, что сейчас всё изменится. Что он отвернётся. Разочаруется. Замолчит. Но вместо этого Джеймс просто прижал её к себе. Так, будто хотел защитить даже от её собственных мыслей.

— Послушайте меня внимательно, — тихо сказал он. — Мне не нужен никто другой. Она судорожно вдохнула.

— Но тебе нужен наследник...

— Мне нужна ты. Он произнёс это так спокойно и уверенно, что у неё снова защипало глаза.

— Джеймс...

— Амелия, я люблю вас. Не ребёнка, которого у нас может однажды не быть. Не титул. Не наследство. Он осторожно коснулся её лица ладонью.

— Вас. Слёзы снова потекли по её щекам.

— Но однажды ты пожалеешь...

— Никогда. Это прозвучало жёстче, чем обычно. Почти резко.

— И даже думать о другом не смейте. Она опустила взгляд.

— Ты заслуживаешь полноценную семью...

— У меня уже есть семья. Амелия тихо всхлипнула.

— Лучше тебе найти другую жену... Джеймс замер. А потом медленно поднял её подбородок, заставляя снова посмотреть на него и в его глазах было столько боли от одной этой мысли, что у неё перехватило дыхание.

— Не говорите больше никогда ничего подобного.

— Для меня существует только одна женщина в этом мире. Он осторожно коснулся губами её лба.

— И это вы. Амелия снова расплакалась, но теперь уже иначе. Не от отчаяния. От того, как сильно он её любил.

Некоторое время они просто сидели молча. Она — прижавшись к нему. Он — глядя её волосы и позволяя ей выплакать всю накопившуюся боль. А потом Джеймс тихо произнёс:

— Давайте больше не будем мучить вас врачами. Амелия медленно подняла взгляд.

— Что?

— Хватит. Он устало выдохнул.

— Хватит бесконечных обследований, ожиданий и боли. Мы будем жить нашу жизнь так, как хотим сами. Она смотрела на него очень долго.

— А если ты потом всё-таки пожалеешь?

— Тогда вы сможете сказать мне: «Я же говорила». Амелия невольно рассмеялась сквозь слёзы, но Джеймс сразу заметил это и впервые за весь вечер уголки его губ тоже дрогнули в улыбке.

— Вот. Уже лучше. Он осторожно убрал с её щеки влажную прядь волос.

— Завтра вы встретитесь с подругами. А сегодня давайте просто переживём этот день. Амелия устало прикрыла глаза.

— Я не хочу никого видеть.

— Тогда начнём с семьи. Внизу их уже ждали. Большая гостиная Рейвеншира была наполнена мягким светом ламп и теплом камина. За окнами шумел ночной ветер, а на столике возле кресел стояли чай, пирожные и фрукты. Вивиан первой подняла голову, когда они вошли. И Амелия сразу поняла: они знают. Все. Они знали, куда она ездила сегодня,

но никто не сказал ни слова. Ни одного взгляда с жалостью. Ни одного осторожного вопроса. Только тепло.

— Наконец-то, — заявила Вивиан. — Я уже начала подозревать, что вы решили сбежать от нас. Амелия попыталась улыбнуться.

— Искушение было велико.

— Особенно после того, как Томас снова проиграл мне спор.

— Это была мошенническая партия, — немедленно возмутился Томас.

— Ты просто не умеешь играть.

— Неправда.

— Правда. Леди Элеанор спокойно отпила чай.

— Вивиан обыгрывает его с двенадцати лет.

— Потому что она жульничает.

— Потому что я умнее. Амелия невольно тихо рассмеялась. И только сейчас поняла, насколько сильно ей нужен был этот обычный шум семьи. Вивиан тут же начала рассказывать о каком-то молодом виконте, который уже третий месяц пытался пригласить её на прогулку.

— И что ты ответила? — спросил Томас.

— Что скорее соглашусь выйти замуж за садовника.

— Бедный виконт.

— Бедный садовник. Даже Джеймс тихо усмехнулся. Леди Элеанор рассказывала о новых розах в южной части сада, Томас спорил с Вивиан о скачках, а Амелия сидела ря-

дом с Джеймсом и впервые за весь день чувствовала, как внутри становится чуть тише. Когда позже ночью они наконец вернулись в спальню, Амелия долго молча стояла у окна. Рейвеншир спал. Вдалеке мерцали фонари. Шумели деревья. Джеймс подошёл сзади и осторожно обнял её. Она сразу прижалась к нему спиной. Будто именно здесь было единственное место, где мир всё ещё оставался безопасным.

— Спасибо, — тихо прошептала она.

— За что?

— За то, что ты есть. Он ничего не ответил. Только мягко поцеловал её в висок. Позже, уже лёжа в постели, Амелия прижалась к нему ещё ближе, почти пряча лицо у него на груди. И Джеймс, словно понимая всё без слов, крепче обнял её. Этой ночью она заснула в его объятиях. Не счастливой, но больше не одинокой.

Глава 5.

Летнее солнце уже успело подняться над холмами, когда экипаж Блэквудов неторопливо покинул ворота Рейвеншира. Утро было удивительно тихим. После нескольких дождливых дней воздух казался особенно свежим. Вдоль дороги тянулись цветущие луга, в высокой траве переливались капли росы, а редкие облака лениво плыли по ярко-голубому небу. Лошади шли ровным шагом, и экипаж лишь слегка покачивался на неровной дороге. Амелия сидела у окна, придерживая ладонью лёгкую соломенную шляпку, чтобы её не подхватывал ветер, врывающийся через приоткрытое окно.

Она любила такие поездки, без спешки, без десятков приглашений, без придворных условностей. Только они вдвоём. Напротив неё сидел Джеймс. Как всегда безупречно одетый, хотя сегодняшний визит был почти семейным. Светлый летний сюртук сменил привычный тёмный, а вместо строгого галстука был аккуратно завязан лёгкий шейный платок. В руках он держал утреннюю газету. Вернее... Делал вид, что читает. Амелия уже несколько минут украдкой наблюдала за ним.

— Вы читаете одну страницу слишком долго. Газета медленно опустилась.

— Неужели?

— Уже почти пять минут.

— Значит, статья действительно интересная. Она улыбнулась.

— Или вы вообще её не читаете. Джеймс сложил газету и положил рядом.

— Признаюсь. Виновен.

— Я так и думала.

— А вы?

— Что я?

— Уже десять минут смотрите в окно. Амелия тихо рассмеялась.

— Меня тоже разоблачили?

— Безоговорочно. Несколько секунд они молчали, эта ти-

шина никогда не казалась неловкой, наоборот. После свадьбы Амелия всё чаще ловила себя на мысли, что научилась любить именно такие минуты, когда не нужно искать тему для разговора, когда достаточно просто быть рядом. За окном мелькнула небольшая деревушка. Несколько детей, увидев герцогский экипаж, остановились прямо посреди дороги и начали оживлённо махать руками. Амелия сразу улыбнулась и ответила тем же. Мальчишка лет семи даже подпрыгнул от восторга.

— Они всегда так радуются, — тихо сказала она.

— Потому что вы им машете.

— Потому что вы — герцог.

— Нет. Джеймс спокойно покачал головой.

— Герцогов они видят редко, а добрую улыбку запоминают надолго. Она посмотрела на него.

— Иногда мне кажется, что вы слишком хорошо понимаете людей.

— Иногда?

— Хорошо. Почти всегда. Он едва заметно улыбнулся, эта улыбка всегда появлялась совсем ненадолго, будто только для неё. Через некоторое время Джеймс вновь заговорил.

— Думаете, Кэтрин сильно волнуется? Амелия тихо выдохнула.

— Думаю, она почти не спала.

— Вы разговаривали вчера?

— Почти час. Она всё повторяла, что должна быть благо-

дарной, что её жених хороший человек, воспитанный, образованный, надёжный. Амелия ненадолго замолчала.

— Но ни разу не сказала, что любит его. Джеймс медленно перевёл взгляд в окно.

— К сожалению... для нашего круга это скорее правило, чем исключение.

— Это печально.

— Да. Он немного помолчал.

— Но знаете... Я всё же надеюсь, что уважение иногда способно перерасти в любовь. Амелия улыбнулась.

— Вы сейчас пытаетесь меня успокоить?

— Нет. Я действительно так думаю. Она внимательно посмотрела на него.

— А если не перерастёт? Джеймс долго не отвечал, будто тщательно подбирая слова.

— Тогда остаётся дружба, взаимное уважение, забота, иногда люди проживают достойную жизнь и без любви. Амелия тихо покачала головой.

— А я не смогла бы. Он поднял на неё взгляд.

— Нет?

— Нет. Я слишком хорошо знаю... какой она может быть. В экипаже снова стало тихо, на этот раз первым улыбнулся Джеймс.

— Кажется... вы только что сделали мне самый красивый комплимент за последние несколько месяцев. Амелия почувствовала, как щёки слегка порозовели.

— Я вовсе не собиралась...

— Знаю. Он осторожно накрыл её ладонь своей, так естественно, словно делал это всю жизнь.

— Именно поэтому он особенно ценен. Амелия опустила взгляд на их переплетённые пальцы и неожиданно подумала о Кэтрин, совсем скоро подруга наденет кольцо, совсем скоро тоже станет женой.

Но почувствует ли она хоть малую часть того спокойствия, которое сейчас испытывала Амелия рядом с человеком, которого любила всем сердцем? От этой мысли внутри стало немного тяжело. За окном уже показались высокие липы, окружавшие поместье Уэллсов. Солнечный свет золотил верхушки деревьев, а за ними постепенно проступала крыша большого светлого дома.

— Мы приехали, — тихо произнёс Джеймс. Амелия глубоко вдохнула и почему-то ей вдруг очень захотелось, чтобы сегодняшний день подарил Кэтрин хотя бы немного счастья. Хотя бы столько, чтобы его хватило до тех пор, пока настоящее чувство не успеет найти дорогу к её сердцу.

Едва экипаж остановился перед широкими каменными ступенями, как входная дверь распахнулась, на крыльце уже стояли слуги. Один из лакеев поспешил открыть дверцу экипажа, второй принимал дорожные сумки, хотя никто из гостей не собирался оставаться до вечера. Поместье Уэллсов выглядело именно так, каким Амелия его запомнила, без показной роскоши, но с той безупречной аккуратностью, кото-

рая сразу говорила о старом аристократическом роде. Светлый камень стен почти утопал в зелени плюща. По обе стороны центральной лестницы цвели белые пионы и нежно-розовые розы, а вдоль дорожек были аккуратно подстрижены кусты самшита.

— Добро пожаловать в Уэллс-холл, Ваша Светлость. Дворецкий низко поклонился.

— Леди и лорд Уэллс ожидают вас в малой гостиной. Джеймс кивнул.

— Благодарю. Амелия поднялась по ступеням следом за ним, ещё не успев переступить порог дома, она услышала голоса, где-то наверху торопливо бегали служанки, в соседней комнате спорили о цветах, а из глубины дома доносился запах свежей выпечки и крепкого чая. Амелия удивлённо улыбнулась.

— Такое чувство, будто они готовятся не к помолвке, а сразу к свадьбе. Джеймс тихо усмехнулся.

— Зная мать Кэтрин... не удивлюсь, если так оно и есть. Леди Уэллс поднялась им навстречу ещё до того, как они успели войти. Высокая, безукоризненно прямая, в платье цвета тёмной сирени, она выглядела именно так, как и должна была выглядеть хозяйка большого старинного дома, сдержанная, безупречная, идеально воспитанная, но сегодня даже её обычное спокойствие давало небольшую трещину.

— Герцог. Леди Амелия. Как я рада, что вы смогли приехать. Она тепло улыбнулась Амелии и позволила себе даже

ненадолго взять её за обе руки.

— Кэтрин ждёт вас с самого утра.

— Она волнуется? Леди Уэллс тихо вздохнула.

— Думаю... если бы ей позволили отменить сегодняшний день, она бы этим воспользовалась. Амелия почувствовала, как сердце неприятно сжалось. Именно этого она и боялась услышать. В комнату вошёл лорд Уэллс. Высокий, уже начинающий седеть мужчина с очень спокойным лицом. Он уважительно пожал руку Джеймсу.

— Ваша Светлость.

— Лорд Уэллс.

— Благодарю, что почтили нас своим присутствием. Несколько минут разговор оставался обычным: о погоде, о строительстве академии, о последних новостях из парламента. Амелия почти не участвовала. Она всё время невольно смотрела на лестницу, словно ждала, что сейчас появится Кэтрин и словно почувствовав её взгляд, наверху хлопнула дверь. Через мгновение раздался знакомый голос.

— Нет, Мэри, не так! Ещё немного левее!

— Леди, но это уже третий раз...

— Потому что кружево лежит неровно! Амелия невольно рассмеялась.

— Кажется... она действительно очень волнуется. Леди Уэллс впервые за всё утро улыбнулась совершенно по-матерински.

— С самого рассвета. Сначала ей не понравилась причёс-

ка, потом платье, потом чай оказался слишком горячим, теперь страдает кружево.

— Это хороший знак, — спокойно заметил Джеймс. Все удивлённо посмотрели на него.

— Почему?

— Потому что человек, которого действительно ничего не тревожит, не замечает подобных мелочей. Лорд Уэллс согласно кивнул.

— Вы правы. Иногда перед важным событием легче спорить с кружевом, чем признаться самому себе, что страшно. В этот момент наверху снова слышались быстрые шаги, а затем на лестнице появилась Кэтрин. Она остановилась почти на последней ступеньке.

— Амелия! На мгновение строгая осанка исчезла. Она почти по-девичьи улыбнулась и, забыв о том, что в гостиной находятся родители и гости, быстро спустилась вниз. Амелия едва успела раскрыть объятия. Кэтрин крепко прижалась к ней.

— Как же я рада, что ты приехала...

— Разве могла я пропустить такой день? Кэтрин тихо рассмеелась, но стоило ей сделать шаг назад, как Амелия сразу заметила знакомое движение. Подруга машинально поправила рукав, потом кольцо на ещё свободном пальце, потом снова пригладила складку платья. Не прошло и десяти минут, как Амелия с облегчением закрыла за собой дверь гостиной Кэтрин. Снаружи ещё слышались приглушённые

голоса взрослых. Леди Уэллс обсуждала с экономкой меню предстоящего ужина. Отец Кэтрин показывал Джеймсу недавно перестроенную библиотеку. Какая-то дальняя тётушка уже спорила с дворецким о том, где должны стоять вазы с пионами, но здесь, за закрытой дверью, наконец можно было спокойно выдохнуть. Кэтрин первой прислонилась спиной к двери и с шумом выдохнула.

— Кажется... я выжила. Розмари, сидевшая на подоконнике, тут же театрально всплеснула руками.

— Не преувеличивай. Самое страшное ещё впереди.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. Лили тихо рассмеялась, устраиваясь рядом с Амелией на небольшом диване.

— По-моему, ты действительно очень устала.

— Я? Кэтрин подняла брови.

— Совсем нет. Она сделала шаг к зеркалу, поправила локон, потом воротник, потом снова разгладила юбку. Розмари несколько секунд наблюдала за этим молча, потом не выдержала.

— Кэтрин. Та обернулась.

— Если ты поправишь это платье ещё хотя бы один раз, оно решит, что плохо себя ведёт. Комната наполнилась смехом. Даже сама Кэтрин рассмеялась.

— Это сильнее меня.

— Мы заметили.

— Я просто... Она снова машинально коснулась рукава.

— Всё должно быть идеально.

— Почему? Неожиданно спросила Амелия. Кэтрин посмотрела на неё. Ответила не сразу.

— Потому что сегодня будут смотреть не только на меня. Она улыбнулась.

— Сегодня будут смотреть на семью Уэллсов. На семью моего будущего мужа, на то, достойна ли я стать частью их рода. Розмари закатила глаза.

— Иногда мне кажется, что аристократическое общество специально придумывает новые способы усложнить людям жизнь.

— Иногда? Лили тихо улыбнулась.

— Хорошо. Все снова рассмеялись. Амелия подошла к Кэтрин, осторожно поправила выбившуюся прядь волос.

— Ты и так прекрасна. Подруга благодарно улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

— Нет. Кэтрин покачала головой.

— Потому что ты слишком добрая. Розмари поднялась с подоконника.

— Нет. Потому что Амелия ужасно влюблена. Все удивлённо посмотрели на неё.

— Что? Она пожала плечами.

— Это заразно. Когда человек счастлив, он начинает считать красивыми вообще всех вокруг. Амелия рассмеялась.

— Очень глубокое наблюдение.

— Благодарю.

— А ты когда успела стать таким философом?

— С тех пор как поняла, что если не шутить, то можно сойти с ума в нашем обществе. Лили покачала головой.

— Иногда мне кажется, что тебя действительно когда-нибудь перестанут приглашать на светские вечера.

— Тогда я наконец смогу спокойно читать книги дома.

— Или спорить с министрами.

— Это тоже неплохой вариант. Кэтрин смотрела на них и всё чаще улыбалась, плечи постепенно расслаблялись, исчезло напряжение, которое не покидало её всё утро. Она подошла к небольшому столику, где уже стоял чай, сама разлила его по чашкам, совсем как в старые времена в Эшборне.

— Знаете... Она протянула чашку Амелии.

— Мне кажется, именно этого мне сегодня больше всего не хватало.

— Чего?

— Чтобы хоть кто-нибудь смотрел на меня... не как на будущую жену, а просто как на Кэтрин. В комнате снова стало тихо. Розмари первой подняла чашку.

— За Кэтрин. Не за будущую леди, не за идеальную хозяйку, не за выгодную партию, а за нашу подругу.

— За Кэтрин, — одновременно повторили Амелия и Лили. Фарфор тихо звякнул. Несколько секунд никто ничего не говорил, потом Кэтрин улыбнулась, на этот раз совсем по-другому, не так, как улыбалась родителям, не так, как улыба-

лась гостям, а так, как умела улыбаться только рядом с ними.

— Спасибо... Тихо сказала она.

— Вы даже не представляете, как сильно я ждала именно этого момента. За окном доносились голоса прибывающих гостей, в доме начиналась помолвка, но здесь, за закрытой дверью, ещё несколько драгоценных минут существовали только четыре девушки, которые когда-то познакомились в стенах Эшборна и ещё не знали, как сильно изменятся их жизни. Некоторое время девушки молча пили чай. Кэтрин осторожно поставила чашку на блюдце. Несколько секунд смотрела на тонкий фарфор, будто собиралась с мыслями. Потом тихо сказала:

— Он хороший человек. Амелия сразу поняла, о ком речь, Лили подняла глаза, Розмари перестала вертеть в руках чайную ложку.

— Правда хороший, — повторила Кэтрин уже увереннее. — Умный. Спокойный. Очень воспитанный. Он никогда не позволил себе грубого слова. Всегда спрашивает, не устала ли я. Помнит, какие цветы я люблю. Даже книги приносит... Она улыбнулась.

— Вчера подарил первое издание романов Остин.

— Это очень мило, — искренне сказала Лили.

— Да... Кэтрин кивнула.

— Очень. Она снова замолчала, Амелия чувствовала, что подруга говорит не то, что действительно хочет сказать. Она ждала и не ошиблась. Кэтрин медленно вдохнула.

— Но я не люблю его. В комнате стало необыкновенно тихо, даже Розмари ничего не сказала, только внимательно посмотрела на неё.

— Совсем? Тихо спросила Амелия. Кэтрин покачала головой.

— Нет. Не люблю. Уважаю, благодарна ему за его отношение, иногда мне даже кажется, что мы могли бы стать хорошими друзьями. Но... Она грустно улыбнулась.

— Разве выходят замуж за друзей? Лили осторожно взяла её за руку.

— Иногда... любовь приходит позже. Кэтрин посмотрела на неё.

— Все так говорят.

— Потому что это случается.

— Или потому что хотят в это верить? На этот вопрос никто сразу не ответил, за окном пролетела птица, ветер слегка качнул занавеску. Амелия смотрела на подругу и вдруг вспомнила себя в Эшборне, ту испуганную сироту, которая была уверена, что никогда не выйдет замуж. Жизнь действительно умела удивлять, но не всегда одинаково. Розмари неожиданно нарушила молчание.

— А если отказаться? Кэтрин тихо усмехнулась.

— Ты задаёшь этот вопрос каждый раз.

— Потому что надеюсь однажды услышать другой ответ.

— Он не изменится.

— Почему? Кэтрин медленно подняла взгляд.

— Потому что тогда мой отец перестанет смотреть на меня как на дочь. Лили нахмурилась.

— Неужели всё настолько серьёзно?

— Ещё серьёзнее. Она говорила спокойно, без обиды, будто давно смирилась.

— Для нашей семьи этот брак — союз двух родов. Договорённости, обязательства, общее состояние, общие земли. Она слабо улыбнулась.

— Любовь в этом списке никогда не стояла первой. Розмари резко поставила чашку на стол.

— Иногда мне кажется, что наше общество нужно перевернуть вверх дном.

— Розмари...

— Нет, правда! Она поднялась и начала ходить по комнате.

— Почему мужчины могут искать любовь годами, а женщина должна выйти замуж за первого подходящего графа только потому, что так удобно её семье?

— Потому что мир пока устроен именно так. Спокойно ответила Кэтрин.

— Тогда мир отвратительно устроен. Лили тихо улыбнулась.

— Это прозвучало очень по-розмариевски.

— Потому что это правда. Все невольно рассмеялись, даже Кэтрин, но смех быстро стих, она перевела взгляд на Амелию.

— Знаешь... Иногда я вам с Джеймсом даже завидую.
Амелия удивлённо подняла голову.

— Нам?

— Да. Кэтрин улыбнулась, на этот раз тепло, по-доброму.

— Он смотрит на тебя так... будто в комнате больше никого нет. Амелия почувствовала, как её щёки слегка порозовели.

— Кэтрин...

— Нет, дай договорить. Она покачала головой.

— И ты смотришь на него точно так же. Это невозможно не заметить, иногда мне кажется, что вы разговариваете даже тогда, когда молчите. Амелия невольно улыбнулась. Перед глазами всплыли десятки моментов, библиотека, первый танец, дождь, Рейвеншир. Его ладонь, осторожно накрывающая её руку, его взгляд, то спокойствие, которое она чувствовала рядом с ним и именно в этот момент что-то болезненно кольнуло внутри, потому что вместе с воспоминаниями пришла другая мысль.

В комнате стало непривычно тихо, даже шум, доносившийся из сада, будто отдалился. Амелия сидела неподвижно, глядя в остывший чай. Она сама не понимала, зачем начала этот разговор именно сегодня. Возможно, потому что рядом были единственные люди, перед которыми ей никогда не приходилось притворяться сильной. Она глубоко вдохнула.

— Несколько недель назад... мы с Джеймсом ездили к врачу. Лили сразу насторожилась.

— Ты заболела? Амелия покачала головой.

— Нет... То есть... Она запнулась, слова никак не складывались. Кэтрин медленно пересела ближе.

— Амелия... Она подняла голову.

— Вы когда-нибудь замечали... что иногда сказать несколько слов оказывается труднее, чем прожить целую жизнь? Никто не ответил. Розмари осторожно накрыла её ладонь своей.

— Не торопись. Мы никуда не уйдём. Амелия благодарно посмотрела на неё, потом снова перевела взгляд на окно.

— Мы давно хотели детей. Она почувствовала, как внутри снова сжалось сердце.

— Я думала... что однажды это просто произойдёт, что однажды я скажу Джеймсу... что он станет отцом. На её губах появилась едва заметная улыбка.

— Иногда я даже представляла, каким он будет. Лили тоже невольно улыбнулась.

— Мне кажется... очень заботливым.

— Да. Амелия тихо кивнула.

— Именно таким. Она замолчала, на этот раз надолго, потом почти шёпотом произнесла:

— Но врач сказал... что этого никогда не будет. Слова повисли в воздухе. Кэтрин первой не поняла их смысл.

— Что значит... никогда? Амелия медленно перевела взгляд на неё. В глазах уже стояли слёзы.

— Это значит... что я не смогу стать матерью. Никогда. В

комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном шелестят листья. Лили побледнела, Розмари словно перестала дышать, Кэтрин смотрела на Амелию широко раскрытыми глазами.

— Нет... Тихо произнесла она. — Нет... этого не может быть. Амелия слабо улыбнулась.

— Я тоже так сказала врачу. Она отвела взгляд.

— Попросила проверить ещё раз, потом ещё, потом мы ездили к другому доктору, ответ был тем же. Лили вдруг пересела совсем рядом, не говоря ни слова, крепко обняла Амелию, та больше не смогла сдерживаться. Она закрыла лицо ладонями.

— Мне так страшно... Прошептала она.

— Страшно не за себя, за Джеймса. Она всхлипнула.

— Он так любит детей... Он никогда не говорил об этом прямо, но каждый раз, когда видел их... его взгляд становился другим и я... Я чувствую, что подвела его.

— Нет. Розмари сказала это так резко, что Амелия подняла голову, в её глазах впервые за всё время появилась настоящая злость.

— Даже не смей так говорить.

— Но...

— Нет. Она поднялась, начала ходить по комнате, пытаясь справиться с переполнявшими её чувствами.

— Ты серьёзно сейчас считаешь, что виновата? Что это вообще такое? За что ты должна просить прощения? За бо-

лезнь? За диагноз? За несправедливость? Она резко остановилась.

— Иногда я просто ненавижу этот мир. Лили молча гладила Амелию по плечу, Кэтрин всё ещё сидела неподвижно, она словно пыталась осознать услышанное, наконец очень тихо спросила:

— Джеймс знает? Амелия кивнула.

— Да.

— И что он сказал? В памяти сразу всплыл тот вечер, его объятия, его спокойный голос. “Я женился не ради наследника. Я женился на тебе.” По щекам снова потекли слёзы, она улыбнулась сквозь них.

— Он сказал... что любит меня и что этого достаточно. В комнате снова наступила тишина, Кэтрин неожиданно опустила голову.

— Господи... Амелия удивлённо посмотрела на неё. Кэтрин медленно покачала головой.

— Я всё утро жалела себя, жаловалась, что выхожу замуж без любви, то мне страшно, что моя жизнь складывается не так, как я мечтала. Она подняла глаза, они тоже были полны слёз.

— А теперь мне так стыдно за свои мысли... Амелия сразу покачала головой.

— Нет.

— Но...

— Нет, Кэтрин. Она взяла её за руки.

— Никогда не сравнивай боль, не бывает “правильного” или “неправильного” горя. Ты имеешь право бояться своего будущего, так же, как я имею право бояться своего, это не делает ни одну из нас слабее. Кэтрин не выдержала, она наклонилась вперёд и крепко обняла Амелию, через секунду к ним присоединилась Лили, потом Розмари. Четыре девушки сидели, крепко обнявшись, и никто уже не пытался скрывать слёз, за дверью продолжался праздничный день, по дому ходили гости, слуги накрывали столы, в саду звучала музыка, а здесь, в небольшой комнате на втором этаже, четыре подруги впервые по-настоящему разделили не только радость, но и ту боль, которую раньше каждая несла в одиночку и именно в этот момент их дружба стала ещё крепче. Не потому, что они нашли ответы. А потому, что ни одна из них больше не осталась наедине со своим страхом.

Долгое время никто не двигался, комната постепенно успокаивалась, слёзы высохли сами собой. За окном всё так же щебетали птицы, а снизу доносился звон фарфора — слуги заканчивали накрывать стол к приёму гостей, жизнь за дверью не остановилась, она продолжалась. Кэтрин первой осторожно вытерла глаза платком, потом посмотрела на трёх подруг и неожиданно тихо улыбнулась.

— Вот теперь... Она глубоко вдохнула.

— Теперь я окончательно испортила себе макияж. Розмари фыркнула сквозь слёзы.

— Неправда. Ты его вообще не успела испортить, он ис-

чез ещё минут десять назад. Лили тихо засмеялась, Амелия тоже не смогла сдержать улыбку, Кэтрин посмотрела на них с облегчением.

— Спасибо.

— За что? — спросила Амелия.

— За то, что доверилась нам. Амелия покачала головой.

— Нет... Это я должна благодарить вас, я больше не могла носить всё это одна. Лили осторожно поправила выбившуюся прядь её волос.

— И не будешь. Теперь никогда. Все согласно кивнули. В дверь осторожно постучали.

— Леди Кэтрин? Послышался голос горничной.

— Гости начинают собираться. Леди Уэллс просила передать, что церемония начнётся через четверть часа. Кэтрин закрыла глаза, когда она снова их открыла, в её взгляде уже появилась привычная собранность, она поднялась, медленно разгладила складки платья, потом посмотрела на своё отражение в зеркале.

— Ну что ж... Она улыбнулась, на этот раз спокойно.

— Кажется... пришло время стать невестой. Амелия подошла к ней первой, осторожно поправила жемчужную брошь на воротнике.

— Ты очень красивая.

— Ты уже говорила.

— Значит, повторю ещё раз. Кэтрин тихо рассмеялась. Розмари подошла с другой стороны.

— А теперь перестань так серьёзно смотреть. Иначе все решат, что тебя ведут на казнь.

— Розмари!

— Что? Я пытаюсь помочь.

— Не слушай её. Она просто не умеет говорить иначе.

— Это правда, — согласилась Розмари. — Но всё равно улыбнись, совсем чуть-чуть. Кэтрин посмотрела на своё отражение, попробовала, получилось не сразу. Амелия осторожно взяла её за руку.

— Не думай сейчас о том, что будет через десять лет, не думай даже о завтрашнем дне, проживи сегодняшний, только сегодняшний. Кэтрин повернулась к ней.

— Думаешь, получится?

— Получится, потому что рядом люди, которые тебя любят. Неважно, где мы будем жить, неважно, как сложится жизнь. Мы всё равно останемся рядом. Кэтрин крепко сжала её ладонь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Все обещаете?

— Конечно, — первой ответила Лили.

— Даже если ты переедешь на другой конец Англии, — добавила Розмари, — я всё равно приеду и буду раздражать тебя своими советами. Кэтрин рассмеялась уже совершенно искренне.

— В этом я даже не сомневаюсь. Девушки снова обнялись,

а затем дверь открылась. На пороге появилась леди Уэллс, она внимательно посмотрела на дочь, на её слегка покрасневшие глаза, на Амелию, на остальных девушек и, как любая мать, всё поняла, но не стала задавать вопросов, лишь подошла к Кэтрин, очень нежно поправила кружево на её плече, так же, как делала это, когда дочь была маленькой.

— Готова, моя дорогая? Кэтрин глубоко вдохнула. На мгновение посмотрела на своих подруг и только потом ответила:

— Да, мама. Леди Уэллс улыбнулась.

— Тогда идём. Все уже ждут тебя. Кэтрин сделала первый шаг к двери, потом неожиданно обернулась, в последний раз посмотрела на комнату, на девушек, на место, где всего несколько минут назад они плакали, обнявшись и мысленно попрощалась не только со своей девичьей комнатой. Она прощалась с той частью жизни, где решения ещё не были приняты за неё, когда дверь за ней закрылась, Амелия тихо прошептала:

— Пусть она будет счастлива... и никто из них тогда ещё не знал, что всего через несколько недель они снова соберутся вместе. На этот раз уже в белоснежном убранстве старинной церкви, чтобы проводить Кэтрин к алтарю. Именно там для одной девушки начнётся новая жизнь, а для другой — начнётся путь, который навсегда изменит её собственную судьбу.

Лето медленно вступало в свои права. Дни становились

длиннее, вечера — теплее, а в садах один за другим распускались розы. После помолвки жизнь, казалось, ускорила сама собой. Недели пролетели почти незаметно. Рейвеншир всё чаще наполнялся портными, посыльными и курьерами. На письменном столе Амелии каждый день появлялись новые письма: приглашения, подтверждения приезда гостей, вопросы о размещении родственников, списки подарков, заметки от леди Уэллс и короткие записки от Кэтрин. Иногда они были совсем короткими. «Мне кажется, я начинаю привыкать к слову “невеста”.» или: «Сегодня выбирали музыку для церемонии. Никогда не думала, что можно так долго спорить из-за одного гимна.» Амелия каждый раз улыбалась, читая эти строки, она отвечала сразу же, советовала, подбадривала, иногда просто писала несколько тёплых слов, их дружба словно стала ещё крепче.

Однажды вечером они снова собрались в Рейвеншире. Без особого повода, просто потому, что соскучились друг по другу. Вивиан заставила всех примерять шляпки, которые привёз из Лондона известный модист. Розмари уверяла, что одна из них похожа на перевёрнутую корзину для фруктов. Лили долго смеялась. Даже обычно сдержанная Кэтрин не выдержала.

— Если надену её на свадьбу, гости будут смотреть только на шляпу.

— Зато никто не заметит, если жених перепутает слова клятвы, — невозмутимо ответила Розмари. Амелия смея-

лась так искренне, что Джеймс, проходивший мимо гостиной с книгой в руках, остановился у двери. Он несколько секунд молча наблюдал за девушками. За тем, как Розмари изображала строгую леди, вышагивая по комнате в огромной шляпе, как Лили едва могла говорить от смеха, как Вивиан пыталась отобрать у неё это нелепое украшение и как Амелия, смеясь, вытирала выступившие слёзы. Он тихо улыбнулся.

— Простите... Все сразу обернулись.

— Кажется, я ошибся дверью. Вивиан прищурилась.

— Или вам просто стало любопытно?

— Совсем немного. Розмари торжественно подняла шляпу.

— Ваша Светлость. Как будущий глава семьи, вы обязаны решить очень важный вопрос.

— Какой именно?

— Может ли леди выйти замуж в этом? Она торжественно водрузила шляпу себе на голову. Джеймс несколько секунд совершенно серьёзно рассматривал её, потом так же серьёзно ответил:

— Может. В комнате стало тихо. Розмари победно улыбнулась.

— Слышали? Но Джеймс спокойно продолжил:

— Если свадьба будет проходить в фруктовой лавке. Даже Амелия не выдержала, смех снова наполнил гостиную. Розмари театрально приложила руку к сердцу.

— Никогда бы не подумала, что однажды герцог публично оскорбит мою шляпу.

— Не шляпу. Очень спокойно поправил её Джеймс.

— Ваш вкус. Теперь уже смеялись абсолютно все, даже сам Джеймс. Амелия поймала его взгляд и вдруг подумала, что именно такие вечера потом вспоминаются всю жизнь, просто потому, что рядом были люди, которых любишь.

Так незаметно наступило утро свадебного дня. Ещё до рассвета весь дом Уэллсов уже проснулся. По коридорам торопливо ходили служанки, в саду заканчивали устанавливать белые арки, а в часовню одну за другой доставляли огромные корзины с живыми цветами. Кэтрин должна была стать женой и никто из собравшихся ещё не знал, что спустя годы именно этот день она будет вспоминать с особенной теплотой — как начало жизни, которая оказалась совсем не такой, какой она боялась.

Первые лучи солнца ещё только коснулись верхушек деревьев, когда Амелия открыла глаза.

Несколько секунд она неподвижно лежала, прислушиваясь к тишине, дом ещё спал, лишь где-то далеко, во дворе, раздался приглушённый стук колёс — слуги с самого рассвета готовили экипажи для поездки в поместье Уэллсов. Она медленно повернула голову, рядом спокойно спал Джеймс, даже во сне его лицо оставалось удивительно спокойным. Амелия невольно улыбнулась. За время брака она так и не привыкла к мысли, что каждое утро начинается именно так,

что рядом с ней человек, которого она когда-то боялась даже назвать по имени. Она осторожно приподнялась на локте, несколько секунд просто смотрела на него, потом не удержалась и убрала со лба непослушную тёмную прядь волос.

— Вы слишком шумно думаете. Амелия тихо ахнула.

— Вы не спали? Не открывая глаз, Джеймс едва заметно улыбнулся.

— Уже минут пять наблюдаю за тем, как вы пытаетесь решить, будить меня или нет. Она тихо рассмеялась.

— И как? Решила? Он наконец открыл глаза.

— Пока нет. Амелия покачала головой.

— Вы невозможны.

— Мне уже говорили.

— И, подозреваю, не один раз.

— Почти каждую неделю. Она улыбнулась ещё шире.

— Тогда, может быть, стоит сделать выводы?

— Поздно. Он приподнялся на подушке.

— Вы уже вышли за меня замуж. Амелия тихонько толкнула его в плечо.

— Какая самоуверенность.

— Это называется жизненный опыт. Она покачала головой.

— Совсем недавно вы были строгим преподавателем истории.

— А теперь?

— Теперь... Она сделала вид, будто задумалась.

— Иногда позволяете себе шутить.

— Это прогресс.

— Огромный. Оба рассмеялись. Улыбка постепенно исчезла с лица Амелии, она посмотрела в окно, солнце медленно поднималось над парком.

— Сегодня Кэтрин выходит замуж... Произнесла она совсем тихо. Джеймс проследил за её взглядом.

— Да.

— Как думаете... Она немного помолчала.

— Она счастлива? Джеймс не ответил сразу, он никогда не говорил то, во что сам не верил.

— Думаю... Он медленно подбирал слова.

— Она спокойнее, чем была несколько недель назад. Амелия кивнула.

— Я тоже это заметила.

— Но спокойствие и счастье — не всегда одно и то же. Она опустила взгляд.

— Именно этого я и боюсь. Джеймс осторожно взял её руку.

— Амелия. Она посмотрела на него.

— Помните, что вы сказали ей в день помолвки? Она нахмурилась.

— Что именно?

— «Не думай о том, что будет через десять лет. Проживи сегодняшний день.» Он мягко улыбнулся.

— Сегодня этот совет пригодится и вам. Она невольно

рассмеялась.

— Вы всё запоминаете?

— Почти всё.

— Это немного пугает.

— Мне казалось, наоборот, удобно. Амелия покачала головой.

— Теперь я понимаю, почему в спорах почти никогда не выигрываю.

— Вы выигрываете гораздо чаще, чем думаете. Она удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда почему мне так не кажется?

— Потому что я обычно соглашаюсь раньше, чем вы успеваете это заметить. Она не выдержала и снова рассмеялась, именно в этот момент в дверь спальни осторожно постучали.

— Ваша Светлость? Послышался голос миссис Харрис.

— Простите, что беспокою. Кареты будут готовы через час и леди Вивиан просила передать леди Амелии... Экономка ненадолго замолчала, словно сама едва сдерживала улыбку.

— ...что если она не спустится через двадцать минут, то её начнут собирать на свадьбу без её согласия. Амелия тихо засмеялась.

— Это очень похоже на Вивиан.

— Я тоже так подумала, миледи. Шаги экономки посте-

пенно стихли. Амелия посмотрела на Джеймса.

— Кажется, выбора у меня нет.

— Боюсь, действительно нет. Он поднялся с кровати и подошёл к окну.

— Сегодня наша обязанность — сделать всё, чтобы Кэтрин запомнила этот день счастливым. Амелия подошла к нему, остановилась рядом, их пальцы сами собой переплелись. Они молча смотрели на просыпающийся Рейвеншир, не подозревая, что совсем скоро счастье перестанет казаться им чем-то естественным.

Стоило Амелии открыть дверь своей спальни, как в коридоре уже слышались быстрые шаги.

— Она здесь!

— Наконец-то! Не успела она ничего понять, как дверь соседней комнаты распахнулась. Вивиан появилась первой. В руках она держала сразу три коробки, следом за ней шли две горничные, едва справляясь с длинными платьями, аккуратно накрытыми белыми чехлами.

— Нет. Амелия сразу подняла руки.

— Даже не начинай.

— Уже поздно. Совершенно серьёзно ответила Вивиан.

— Сегодня ты полностью в моей власти.

— Это звучит угрожающе.

— Именно так и должно звучать. Лили, вошедшая последней, тихо рассмеялась.

— Я предупреждала, что с утра она командует всем до-

мом.

— Потому что иначе вы ничего не успеете! Вивиан поставила коробки на кровать.

— Итак. План. Ты садишься, не споришь, не убегашь, не начинаешь читать бумаги академии и не вспоминаешь, что где-то кого-то нужно спасать. Амелия улыбнулась.

— А если мне очень захочется?

— Тогда я попрошу Джеймса запереть кабинет.

— Предательница.

— С удовольствием. Все рассмеялись.

Через несколько минут комната окончательно превратилась в настоящий дамский будуар. На кровати лежали длинные перчатки, жемчужные украшения, ленты, шпильки, коробочки с пудрой, белые атласные туфельки. Горничные аккуратно отпаривали платье Амелии. Вивиан уже успела разложить украшения так, будто собиралась открывать собственный модный салон.

— Нет. Она покачала головой.

— Эти серьги слишком тяжёлые.

— Почему?

— Потому что они отвлекают внимание.

— От чего?

— От тебя. Амелия тихо засмеялась.

— Кажется, именно серьги обычно и должны это делать.

— Не сегодня. Вивиан приложила к её шее тонкую жемчужную нить, прищурилась, потом решительно сняла.

— Нет. Слишком официально. Она открыла следующую коробочку.

— Вот. Так гораздо лучше.

— Откуда ты вообще всё это знаешь? Вивиан гордо подняла подбородок.

— Потому что мода — единственная наука, которую я изучала добровольно.

— А я-то думала, что верховая езда.

— Это вторая.

— Тогда всё в порядке.

Вивиан занималась украшениями, затем осторожно расчёсывала длинные волосы Амелии. Движения были медленными и такими аккуратными, что Амелия невольно закрыла глаза.

Тем временем Вивиан уже спорила с Розмари, которая приехала несколько минут назад.

— Нет. Вот эта лента сюда не подходит.

— Почему?

— Потому что она кремовая.

— И?

— А платье молочное. Розмари несколько секунд серьёзно смотрела то на ленту, то на платье, потом совершенно искренне спросила:

— Разве это не один цвет? Вивиан застыла.

— Что?

— Ну... Белый же. Амелия закрыла лицо ладонью.

— Розмари... Вивиан театрально схватила за сердце.

— Господи... Ты сейчас оскорбила всех модисток Англии.

— Пусть простят меня. Я правда не вижу разницы.

— Не видит она... Вивиан обречённо покачала головой.

— Нет. После свадьбы я обязательно займусь твоим воспитанием.

— Поздно.

— Никогда не поздно.

— Мне двадцать два года.

— Тем более. Все снова рассмеялись, даже горничные едва сдерживали улыбки. Когда платье наконец было надето, в комнате неожиданно наступила тишина. Амелия подошла к большому зеркалу, белое шёлковое платье мягко ложилось по фигуре, тонкое кружево украшало рукава, жемчуг едва заметно переливался в утреннем свете. Она долго молчала, потом тихо сказала:

— Как странно...

— Что? Спросила Лили. Амелия улыбнулась своему отражению.

— Совсем недавно мы сами были ученицами, мечтали о будущем, боялись экзаменов, прятали книги под подушками, а теперь... она посмотрела на девушек.

— Теперь одна из нас выходит замуж. Вивиан подошла и взяла её под руку.

Они ещё не знали, какие испытания приготовила для них

жизнь, но именно поэтому это утро казалось таким бесценным и Амелия вдруг поймала себя на мысли, что счастье редко приходит громко. Чаще всего оно выглядит именно так, как смех подруг, ленты, разбросанные по кровати, спор о цвете шёлковой ткани и ощущение, что впереди — целая жизнь.

К полудню поместье Уэллсов было почти невозможно узнать. Ещё несколько недель назад здесь царила привычная тишина старого английского дома, теперь же всё вокруг словно ожило. У главного входа один за другим останавливались экипажи. Лакеи в парадной форме торопились открывать дверцы, помогая гостям выйти. По широкой лестнице поднимались дамы в светлых летних платьях, украшенных кружевом и живыми цветами, мужчины приветствовали друг друга крепкими рукопожатиями, а из распахнутых окон доносились звуки струнного квартета, уже начинавшего играть первые произведения. Сад преобразился до неузнаваемости. Белые розы переплетались с ветвями жасмина, вдоль дорожек стояли высокие фарфоровые вазы с пионами и гортензиями, а небольшая часовня, скрывавшаяся среди старых лип, утопала в белоснежных цветах. Амелия невольно замедлила шаг.

— Как красиво... Произнесла она почти шёпотом, рядом остановился Джеймс, проследил за её взглядом.

— Леди Уэллс всегда говорила, что единственная свадьба её дочери должна быть именно такой. Амелия улыбнулась.

— Ей удалось. На секунду они просто стояли рядом, наблюдая за происходящим, по лужайке с серьёзным видом бежали двое мальчишек, пытаясь незаметно стащить сладости с праздничных столов. Их тут же догнала пожилая гувернантка.

— Молодые люди! Один из мальчиков, не прекращая бегать, успел сунуть пирожное за спину.

— Мы ничего не сделали!

— Именно поэтому вы сейчас так быстро убегаете? Амелия тихо рассмеялась.

— Иногда дети честнее взрослых. Джеймс усмехнулся.

— Потому что ещё не научились хорошо лгать.

Они вошли в просторный зал, где уже собирались приглашённые. Повсюду слышались приветствия, кто-то поздравлял родителей Кэтрин, кто-то обсуждал последние новости из Лондона, кто-то восхищался убранством дома. Стоило Джеймсу появиться в дверях, как сразу несколько джентльменов направились к нему.

— Ваша Светлость!

— Рад видеть вас.

— Поздравляю семью Уэллсов с таким замечательным событием. Джеймс с привычной сдержанностью отвечал каждому. Амелия знала этот взгляд, спокойный, внимательный, чуть более официальный, чем дома, так выглядел герцог Блэквуд, но стоило ему на мгновение поймать её взгляд через весь зал, как уголки его губ едва заметно дрогнули. Этого

оказалось достаточно, чтобы Амелия невольно улыбнулась в ответ.

— Амелия! Она обернулась. К ней быстрым шагом подошла Вивиан.

— Ты уже видела Кэтрин?

— Нет.

— Она ужасно волнуется.

— Всё ещё?

— Представь себе. Вивиан тихо рассмеялась.

— Минут десять назад она попросила служанку проверить, ровно ли лежат цветы в часовне.

— С такого расстояния?

— Именно.

— И что сказала служанка?

— Что цветы стоят прекрасно.

— А Кэтрин?

— Попросила проверить ещё раз. Амелия не смогла сдержать смех.

— Это действительно похоже на неё.

— Я тоже так подумала. Вивиан взяла её под руку.

— Пойдём. Она сейчас наверху. Кажется, ей очень нужны знакомые лица.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, с каждым шагом шум праздника оставался всё дальше, коридор был удивительно тихим, лишь две молодые горничные торопливо несли корзины с лепестками роз. Подойдя к зна-

комой двери, Вивиан негромко постучала, изнутри послышалось:

— Войдите. Комната была наполнена мягким солнечным светом, перед большим зеркалом сидела Кэтрин, в свадебном платье. Она ещё не заметила вошедших, лишь внимательно рассматривала своё отражение, будто пыталась привыкнуть к девушке, которую видела перед собой. Амелия остановилась на пороге, на мгновение ей показалось, что время действительно остановилось. Перед ней сидела уже не та ученица Эшборна, которую она когда-то встретила в общей спальне, перед ней была взрослая женщина, которая через несколько минут должна была начать совершенно новую жизнь. Кэтрин заметила их отражение в зеркале, медленно повернулась и улыбнулась, но в этой улыбке Амелия сразу увидела то, что не заметил бы никто из гостей. Она всё ещё боялась. Амелия подошла к ней, опустилась рядом на колени и осторожно взяла её за руки.

— Ты прекрасна. Кэтрин тихо рассмеялась.

— Сегодня ты говоришь мне это уже третий раз.

— Потому что это правда. Она помолчала, потом добавила уже совсем тихо:

— Но сейчас я пришла не для того, чтобы сказать это. Кэтрин внимательно посмотрела ей в глаза и сразу поняла, Амелия хотела поговорить с ней наедине, перед тем, как прозвучит свадебный марш.

Амелия обернулась к Вивиан, та сразу поняла её без слов.

— Я подожду за дверью. Она мягко улыбнулась Кэтрин.

— Если что-нибудь понадобится, позови меня.

— Спасибо. Когда дверь закрылась, в комнате стало удивительно тихо, лишь где-то далеко, из сада, доносились первые звуки скрипок. Гости уже постепенно направлялись к часовне. До начала церемонии оставались считанные минуты. Кэтрин снова посмотрела на своё отражение, потом неожиданно тихо сказала:

— Странно...

— Что именно?

— Всю жизнь я представляла этот день совсем иначе. Амелия ничего не ответила, она просто села рядом. Так же, как когда-то в спальне Эшборна, плечом к плечу.

— Мне казалось... Кэтрин слегка улыбнулась.

— Что в день свадьбы обязательно должно произойти что-то необыкновенное, что сердце будет биться так сильно, что невозможно будет дышать, что я посмотрю на жениха... и сразу пойму: «Вот он.» Она опустила взгляд.

— А сейчас... Мне просто страшно. Амелия молчала, не потому, что не знала, что сказать, а потому, что иногда человеку сначала нужно договорить до конца.

— Знаешь, что самое ужасное? Кэтрин нервно усмехнулась.

— Я ведь правда очень стараюсь его полюбить. Каждый день, каждый наш разговор, каждое письмо. Я ищу в нём то чувство, о котором пишут в книгах, но... Она закрыла глаза.

— Его нет. Амелия осторожно взяла её ладонь.

— Кэтрин. Та подняла голову.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я солгала?

— Нет.

— Тогда я не стану говорить, что любовь обязательно придёт, потому что не знаю этого. Она говорила очень спокойно. Без желания утешить красивыми словами.

— Но я знаю другое. Кэтрин внимательно слушала.

— Иногда любовь приходит сразу. Иногда — спустя годы. Иногда не приходит вовсе. Но уважение... доброта, забота. Это тоже очень важно. Она немного улыбнулась.

— Если судьба сегодня не даёт тебе большой любви... Я очень хочу, чтобы хотя бы рядом оказался хороший человек. Кэтрин тихо прошептала:

— Он хороший.

— Тогда позволь ему доказать это. Не сегодня, не завтра, со временем. Наступила тишина. Кэтрин неожиданно посмотрела прямо в глаза Амелии.

— А ты?

— Что я?

— Когда поняла, что любишь Джеймса? Амелия невольно улыбнулась, совсем по-другому, будто мысленно перенеслась на несколько лет назад.

— Не сразу. Кэтрин удивилась.

— Правда?

— Правда. Она тихо засмеялась.

— Сначала я вообще его боялась. Он казался мне самым холодным человеком на свете, самым строгим, самым недоступным.

— А потом? Перед глазами всплыли библиотека Эшборна, осенний дождь, конюшни, вечер у озера, Рейвеншир. Десятки маленьких воспоминаний.

— А потом... Я однажды поняла, что рядом с ним мне спокойно, не потому, что вокруг всё хорошо, а потому что он рядом. Она задумчиво посмотрела в окно.

— Любовь редко приходит как вспышка. Иногда она приходит так тихо... что замечаешь её только тогда, когда уже не представляешь свою жизнь без этого человека. Кэтрин долго молчала, потом очень тихо спросила:

— А если я никогда этого не почувствую? Амелия крепче сжала её ладонь.

— Тогда не вини себя. Любовь нельзя заслужить, нельзя заставить, нельзя приказать ей появиться. Она приходит только тогда, когда сама этого захочет и если однажды ты поймёшь, что твоё сердце молчит... Это не будет означать, что с тобой что-то не так. У Кэтрин задрожали губы.

— Мне так страшно... Амелия поднялась, подошла ближе и крепко обняла её. Совсем как тогда, в Эшборне.

— Я знаю. Они долго стояли молча, пока за дверью не раздался осторожный стук.

— Леди Кэтрин... Послышался голос отца.

— Нам пора. Кэтрин медленно отстранилась, глубоко

вдохнула. Амелия аккуратно поправила её фату, разгладила едва заметную складку на плече, потом улыбнулась.

— Теперь всё идеально. Кэтрин неожиданно рассмеялась сквозь слёзы.

— Знаешь...

— Что?

— Если сегодня я не расплачусь во время церемонии... То только потому, что уже выплакала всё здесь. Амелия тоже улыбнулась.

— Не обещай. На свадьбах это редко получается. Обе тихо засмеялись. За дверью снова раздался голос лорда Уэллса, на этот раз мягче.

— Дочка... Кэтрин закрыла глаза всего на мгновение, а потом расправила плечи. На её лице снова появилась спокойная, благородная улыбка, уже не испуганной девушки, а женщины, которая решила достойно встретить своё будущее, каким бы оно ни оказалось.

— Пойдём. И, взяв Амелию за руку, вместе с ней вышла навстречу своей новой жизни.

Когда двери часовни распахнулись, музыка органа мягко разлилась под высокими каменными сводами, все разговоры мгновенно стихли. Гости поднялись со своих мест. Солнечный свет проникал сквозь высокие витражные окна, окрашивая белый мрамор пола в золотые, голубые и алые оттенки, воздух был наполнен ароматом белых лилий и роз. Амелия медленно заняла своё место рядом с Джеймсом. Он незамет-

но коснулся её пальцев, совсем легко, будто спрашивая:

— Всё хорошо? Она едва заметно кивнула. По другую сторону прохода уже сидели родители жениха, пожилые родственники, друзья семьи, военные, соседи. Вся часовня была заполнена людьми, но в эту минуту никто не смотрел друг на друга. Все взгляды были устремлены к высоким дверям. Музыка стала громче и двери открылись. Первым вошёл маленький мальчик лет пяти. С необычайной серьёзностью он нёс бархатную подушечку с двумя кольцами. Следом две девочки медленно шли по проходу, разбрасывая белые лепестки роз и только потом появилась Кэтрин под руку с отцом. По часовне словно пронёсся едва слышный вздох. Она была удивительно красива, белоснежное платье мягко струилось до самого пола, длинная фата лёгким облаком спадала с плеч, жемчуг в волосах едва заметно переливался в солнечном свете, но красивее всего было выражение её лица. Она больше не выглядела испуганной, не выглядела растерянной. На лице читалось спокойствие, то самое спокойствие, которое приходит тогда, когда решение уже принято. Лорд Уэллс шёл медленно, очень медленно, словно каждая секунда приближала его к моменту, когда придётся отпустить дочь. Амелия перевела взгляд на него. Она впервые увидела в этом строгом человеке не главу рода, не аристократа, а просто отца у которого сейчас дрожали руки.

Когда они подошли к алтарю, жених сделал шаг навстречу, он не торопился, не пытался сразу взять Кэтрин за

руку. Сначала он почтительно поклонился её отцу и только после этого протянул ладонь. Лорд Уэллс посмотрел на дочь, потом осторожно вложил её руку в ладонь будущего мужа.

— Берегите её. Произнёс он тихо. Жених серьёзно кивнул.

— Обещаю. Амелия почувствовала, как у неё защипало глаза. Джеймс, не глядя на неё, крепче сжал её ладонь. Священник начал церемонию, его спокойный голос наполнял часовню, говорил о семье, о доверии, о взаимном уважении, о том, что настоящая любовь рождается не только из сильного чувства, но и из ежедневного выбора быть рядом. Амелия невольно посмотрела на Джеймса. Он внимательно слушал и вдруг, словно почувствовав её взгляд, тоже повернулся. Их глаза встретились, он едва заметно улыбнулся, совсем так же, как тогда, в экипаже. Этой маленькой улыбкой оказалось достаточно. Амелия улыбнулась в ответ.

Настал момент клятв. Жених говорил первым. Его голос звучал спокойно и уверенно, он не произносил красивых, выученных фраз, говорил просто.

— Обещаю уважать тебя во все дни нашей жизни. Обещаю быть рядом не только в радости, но и тогда, когда тебе будет трудно. Обещаю всегда помнить, что сегодня ты доверяешь мне самое дорогое — своё будущее. Кэтрин внимательно слушала. Амелия заметила, как её взгляд постепенно менялся. Страх понемногу уступал место чему-то другому, когда настала её очередь говорить, голос едва заметно дрог-

нул лишь на первых словах.

Потом стал увереннее. Она произнесла клятву до конца, не сбившись ни разу. Священник благословил кольца. Жених осторожно надел кольцо на её палец, так бережно, будто боялся причинить боль, потом Кэтрин сделала то же самое. Наступила тишина. Та особенная тишина, которая бывает лишь перед самыми важными словами. Священник улыбнулся.

— Властью, данной мне Господом и Церковью, объявляю вас мужем и женой. В часовне раздались аплодисменты, кто-то тихо заплакал. Леди Уэллс больше не пыталась скрыть слёз. Лорд Уэллс незаметно снял очки и отвернулся к окну. Жених посмотрел на Кэтрин, не торопясь, будто спрашивая разрешения, она едва заметно кивнула и только тогда он осторожно коснулся губами её лба. С величайшим уважением. Амелия невольно улыбнулась. Она не могла объяснить почему, но именно в этот момент её сердце впервые спокойно прошептало: “Возможно... всё у них будет хорошо.”

Праздник закончился далеко за полночь, музыка постепенно стихла. Последние гости один за другим покидали поместье Уэллсов, на прощание обнимая молодожёнов и желая им долгих лет счастливой жизни. Во дворе уже горели фонари. Летний вечер оказался удивительно тёплым. От цветников всё ещё исходил тонкий аромат белых роз, а где-то в глубине сада стрекотали сверчки. Амелия стояла на крыльце, наблюдая, как Кэтрин прощается с родителями. Леди Уэллс

крепко обняла дочь, долго не отпускала, что-то тихо сказала ей на ухо. Кэтрин улыбнулась сквозь слёзы, потом настала очередь отца. Лорд Уэллс всегда казался Амелии человеком, которого невозможно растрогать, но сейчас он неожиданно крепко прижал дочь к себе.

— Будь счастлива. Только и сказал он. Кэтрин кивнула.

— Постараюсь, папа. Она ещё раз оглянулась на дом, на окна своей комнаты, на сад, на крыльцо, будто прощалась не с местом, а с целой частью своей жизни. Жених молча подошёл к ней, не торопил, не брал за руку, лишь спокойно ждал рядом и только когда Кэтрин сама подошла к нему, он осторожно предложил ей локоть. Амелия заметила это и снова почувствовала внутри какое-то странное спокойствие. Этот человек действительно умел ждать.

— О чём задумалась? Джеймс незаметно подошёл к ней. Она перевела взгляд на молодожёнов.

— Мне кажется... Она улыбнулась.

— Он хороший человек.

— Я тоже так думаю.

— Надеюсь, со временем она станет счастливой. Джеймс посмотрел вслед удаляющемуся экипажу.

— Иногда счастье приходит не сразу. Иногда ему просто нужно время. Амелия тихо кивнула. Ей очень хотелось верить именно в это. Их собственный экипаж уже ждал у лестницы. Дворецкий помог Амелии подняться. Через несколько минут колёса мягко зашуршали по ночной дороге. Дол-

гое время они ехали молча. За окнами проплывали залитые лунным светом поля, редкие деревушки уже спали, лишь в некоторых окнах ещё горели огоньки. Амелия сняла перчатки и устало откинулась на мягкую спинку сиденья.

— Устала? Тихо спросил Джеймс. Она улыбнулась.

— Очень. Он посмотрел на неё внимательно.

— Но это хорошая усталость.

— Да. Она немного помолчала.

— Сегодня был красивый день.

— Очень. Снова наступила тишина. Амелия осторожно положила голову ему на плечо. Это движение давно стало таким естественным, что никто из них уже не задумывался о нём. Джеймс лишь слегка повернул голову и коснулся губами её волос.

— Спасибо. Тихо сказал он. Она удивлённо подняла глаза.

— За что?

— За Кэтрин. Амелия непонимающе улыбнулась.

— Мне кажется, сегодня больше всех она нуждалась именно в тебе. Амелия ненадолго задумалась.

— Знаешь... Сегодня, когда она спросила меня о любви... Я вдруг поняла одну вещь.

— Какую? Она посмотрела в окно, луна отражалась в тёмной глади небольшого озера.

— Мы слишком часто думаем, что счастье — это какое-то огромное событие, будто однажды просыпаешься, и жизнь становится идеальной. Она перевела взгляд на Джеймса.

— А на самом деле оно складывается из сотен маленьких моментов.

— Кажется... Теперь это был самый красивый комплимент. Амелия рассмеялась.

— Я снова сказала это случайно.

— Именно поэтому я верю каждому слову. Она переплела свои пальцы с его, карета продолжала медленно катиться по пустынной дороге, впереди уже показались огни Рейвеншира. Амелия прикрыла глаза, на душе было спокойно. Она ещё не знала, что совсем скоро судьба приготовит для неё испытание, которое изменит всё, но именно поэтому эта ночь навсегда останется в её памяти.

Глава 6.

Осень пришла в Рейвеншир тихо. Сначала пожелтели листья у старой аллеи, ведущей к конюшням. Потом утренние туманы стали задерживаться над садом дольше обычного. А вскоре весь парк вокруг поместья окрасился в медные, золотые и тёмно-багряные оттенки. После шумного лета жизнь постепенно вошла в более спокойный ритм. Амелия всё чаще уезжала в академию ещё до завтрака и возвращалась затемно, с усталыми глазами, чернильными пятнами на пальцах и ворохом бумаг в руках. Новый учебный год начался беспокойно. В академию приняли больше учениц, чем планировали. Пришлось срочно перестраивать расписание, искать дополнительные комнаты для занятий, распределять стипендии и успокаивать родителей, которые всё ещё не по-

нимали, зачем их дочерям изучать право, медицину или философию, но Амелия чувствовала себя живой. Впервые за долгое время — по-настоящему живой. Она почти смирилась с тем, что не сможет стать матерью, но боль постепенно стала тише. Она всё ещё жила внутри, но уже не разрывала её каждое утро. Теперь у Амелии снова было дело, за которое можно было держаться. Академия нуждалась в ней, девушки нуждались в ней и, возможно, если судьба не позволила ей подарить жизнь собственному ребёнку, она могла помочь другим девочкам получить будущее.

В тот день Амелия стояла в светлой аудитории второго этажа, наблюдая, как новая преподавательница, мисс Хелена Моррис, раскладывает на столе учебники. Мисс Моррис была женщиной чуть старше тридцати, с тёмными волосами, строгим взглядом и удивительно спокойной манерой говорить. Она происходила не из знатной семьи, но получила прекрасное образование благодаря отцу-врачу и собственной упрямой воле. Именно такие женщины были нужны академии.

— Простите, Ваша Светлость, — произнесла мисс Моррис, аккуратно расставляя книги. — Я всё ещё опасаясь, что родители некоторых учениц сочтут мой курс слишком смелым. Амелия мягко улыбнулась.

— Они уже считают всю академию слишком смелой.

— Это должно меня успокоить?

— Немного. Мисс Моррис впервые за утро улыбнулась. За окнами шёл мелкий осенний дождь. Капли тихо стекали по стеклу, размывая вид на сад академии, где мокрые дорожки блестели, словно серебряные ленты.

— Девушки должны уметь не только красиво читать стихи, — сказала Амелия, подходя к столу. — Они должны понимать, как устроен мир.

— А если мир не хочет, чтобы они его понимали?

— Тогда ему придётся привыкнуть. Мисс Моррис посмотрела на неё с тихим уважением.

— Вы правда верите, что это возможно? Амелия задержала взгляд на раскрытых книгах. Ещё несколько лет назад она сама была всего лишь воспитанницей Эшборна, девочкой с разбитым прошлым, которой казалось, что её жизнь уже решена чужими руками. Теперь она стояла в собственной академии и рядом с ней работали женщины, которые тоже осмелились хотеть большего.

— Да, — тихо сказала она. — Верю.

Джеймс приехал за ней ближе к вечеру. Дождь к тому времени почти закончился, но небо всё ещё оставалось тяжёлым и серым. Экипаж ждал у центрального входа, а Джеймс стоял у лестницы в тёмном пальто, держа в руках перчатки. Амелия спустилась к нему с папкой документов.

— Только не говорите, что это всё вы собираетесь читать сегодня ночью, — произнёс он вместо приветствия.

— Не всё.

— Это должно меня успокоить?

— Немного. Он прищурился.

— Вы стали слишком часто пользоваться моими же выражениями.

— Я учусь у лучших. Джеймс помог ей сесть в экипаж, а сам устроился напротив. Карета тронулась, мягко покачиваясь на мокрой дороге. За окнами мелькали тёмные деревья, низкие облака и поля, уже потерявшие летнюю яркость. Амелия раскрыла папку прямо на коленях. Джеймс посмотрел на неё с тем выражением, которое обычно означало: он собирается спорить, но уже знает, что проиграет.

— Амелия.

— Что?

— Вы работали весь день.

— Академия сама себя не построит.

— Она уже построена.

— Тогда она сама себя не улучшит. Он откинулся на спинку сиденья и покачал головой.

— Иногда мне кажется, что я женился не на женщине, а на образовательной реформе. Амелия рассмеялась и этот смех прозвучал так легко, что Джеймс на мгновение замолчал. Он давно ждал его. Того самого настоящего смеха, который исчез после весенних врачей, чужих намёков и бесконечной боли.

— Что? — спросила она, заметив его взгляд.

— Ничего.

— Вы снова слишком долго смотрите.

— Имею право. Я горжусь своей женой. Амелия отвела взгляд к окну, но улыбка всё равно осталась на губах.

— Даже когда она разоряет вас ради академии?

— Особенно тогда. Она тихо фыркнула и снова посмотрела в документы. В груди впервые за долгое время было спокойно.

За ужином в Рейвеншире говорили о политике. Это началось почти случайно — с газет, которые Томас принёс в столовую и разложил рядом с тарелкой, несмотря на недовольный взгляд Леди Элеанор.

— За ужином не читают газеты, — строго произнесла она.

— Тогда я буду не читать, а цитировать вслух.

— Томас. Вивиан лениво отпила вина.

— Оставьте его, мама. Если Томасу запретить говорить о политике, он начнёт говорить о лошадях, а это ещё хуже.

— Лошади хотя бы полезны, — парировал Томас.

— В отличие от тебя?

— Вивиан. Амелия улыбнулась, но улыбка быстро стала тише, когда разговор всё же перешёл к новостям. В газетах всё чаще писали о напряжении на границе, о передвижениях войск, о спорах в парламенте. Пока никто не произносил слово «война» слишком громко, но оно уже жило между строк. Томас говорил о военной службе с почти опасным блеском в глазах.

— Если всё действительно обострится, многие молодые

люди пойдут добровольцами. Леди Элеанор медленно подняла на него взгляд.

— Ты говоришь так, будто это повод для гордости.

— А разве нет?

— Это повод для страха. Томас замолчал, но ненадолго.

— Я не могу всю жизнь сидеть в Рейвеншире и делать вид, что мир за его воротами меня не касается. Джеймс посмотрел на брата внимательно.

— Служба — это не способ доказать, что ты стал взрослым.

— Я это понимаю.

— Не уверен. Томас сжал челюсть, но спорить не стал. Амелия вдруг почувствовала усталость. Резкую. Почти тяжёлую. Ей стало трудно сидеть ровно. Голоса за столом словно начали звучать чуть дальше, чем прежде. Слуга поставил перед ней блюдо с запечённым мясом и в ту же секунду Амелия почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Запах розмарина, жира и горячего соуса вдруг стал невыносимым. Она едва заметно побледнела. Джеймс сразу повернулся к ней.

— Амелия?

— Всё в порядке. Она осторожно отодвинула тарелку.

— Просто не голодна. Вивиан посмотрела на неё с подозрением.

— Ты не голодна за ужином? Это звучит тревожно.

— Я немного устала.

— Ты всегда немного устала, — мягко заметила Леди Элеанор. Амелия попыталась улыбнуться.

— Новый учебный год. Объяснение прозвучало достаточно убедительно. Во всяком случае, никто не стал задавать вопросов, но Джеймс ещё долго смотрел на неё. После ужина они перешли в гостиную. Камин уже горел, отбрасывая тёплые отблески на стены. За окнами стемнело, дождь снова начал тихо стучать по стеклу. Томас и Вивиан продолжили спорить о военной академии. Леди Элеанор вышивала у камина. Джеймс читал письмо, но постоянно поднимал взгляд на Амелию, а она сидела в кресле с раскрытой книгой и чувствовала, как веки становятся всё тяжелее. Сначала она боролась со сном. Потом перестала. Тёплый свет камина, шум дождя, голоса семьи — всё это слилось в одно мягкое, далёкое звучание. Книга медленно опустилась ей на колени. Через несколько минут Амелия уснула. Джеймс заметил это первым. Он отложил письмо и тихо подошёл к ней.

— Она совсем себя загоняет, — негромко сказала Леди Элеанор. Джеймс ничего не ответил. Только осторожно снял книгу с её коленей и укрыл Амелию пледом. В свете камина её лицо выглядело очень молодым. Почти девичьим и таким усталым, что у него болезненно сжалось сердце.

— Я поговорю с ней, — тихо произнёс он. Леди Элеанор посмотрела на сына с мягкой тревогой.

— Иногда женщины работают не потому, что не знают ме-

ры, Джеймс. Он поднял взгляд.

— А почему? Она немного помолчала.

— Потому что иначе им пришлось бы остаться наедине с тем, о чём они не хотят думать. Джеймс снова посмотрел на Амелию и понял, что мать права. За окнами шумел дождь. В Рейвеншире было тепло, спокойно и безопасно, но где-то далеко, за пределами этого дома, мир становился всё тревожнее, а внутри их собственной жизни, незаметно для всех, уже начинало происходить то, что вскоре изменит всё.

С каждым днем осень всё глубже входила в жизнь Рейвеншира. Утренние туманы теперь подолгу лежали над дорогами, деревья почти полностью потеряли листву, а ветер стал холоднее и резче. По вечерам в поместье всё чаще разжигали камин, а в академии ученицы начали приходить на занятия в тёплых накидках и шерстяных перчатках. Амелия снова уезжала в академию с самого утра. Иногда Джеймсу казалось, что она намеренно не позволяет себе останавливаться. Слишком мало времени оставаться наедине с собственными мыслями, но он не мешал ей. Потому что видел: работа действительно возвращает ей жизнь. В то утро академия встретила Амелию привычным шумом. В коридорах звучали голоса учениц, кто-то спешил на занятия с книгами в руках, преподаватели обсуждали расписания, а возле главной лестницы две младшие ученицы спорили о поэзии так оживлённо, будто решали государственный вопрос и именно это Амелия любила больше всего. Она остановилась возле ка-

бинета администрации, просматривая список новых заявлений.

— Ваша Светлость? Амелия подняла голову. Перед ней стояла мисс Моррис с папкой документов.

— Родители мисс Элтон уже ожидают вас в малой гостиной. Амелия тихо выдохнула.

— Спасибо. И давайте сегодня попробуем никого не шокировать философией. Мисс Моррис слабо улыбнулась.

— Я не обещаю.

Родители учениц всегда были самой сложной частью её работы. Особенно матери. Некоторые приходили в академию уже заранее настроенными против неё и её реформ. Другие боялись, что образование «испортит» дочерей. Третьи, наоборот, смотрели на Амелию почти с надеждой — будто она могла подарить их детям совсем другую жизнь. Сегодняшняя беседа длилась почти час. Супруги Элтон спорили между собой прямо при Амелии: отец хотел, чтобы дочь изучала бухгалтерию и языки, мать настаивала на «приличном воспитании», а сама юная мисс Элтон сидела тихо и испуганно, сжимая руки на коленях. Амелия заметила это сразу и именно ради таких девушек она когда-то начала всё это.

— А чего хотите вы сами, мисс Элтон? — мягко спросила она. Девушка растерянно подняла глаза. Будто никто прежде даже не задавал ей подобного вопроса.

— Я... я люблю литературу, Ваша Светлость. Её мать тихо вздохнула.

— Литература не поможет женщине устроить жизнь. Амелия спокойно выдержала её взгляд.

— Иногда помогает больше, чем удачный брак. В комнате повисла тишина, а потом мисс Элтон впервые за разговор улыбнулась. Совсем немного, но искренне.

После обеда Амелия отправилась в архив академии. Там её уже ждали документы по двум новым ученицам-сиротам. Сёстры Хейз. Одна — двенадцати лет. Вторая — четырнадцати. Их родители умерли от болезни прошлой зимой, а дальние родственники отказались брать девочек к себе. Амелия долго читала бумаги молча. Слишком многое в этой истории отзывалось внутри неё болезненно знакомо. Она слишком хорошо помнила, каково это.

— Я беру их под финансовую опеку академии, — тихо сказала она. Мисс Моррис удивлённо подняла взгляд.

— Обоих?

— Да.

— Это значительные расходы. Амелия закрыла папку.

— Тогда сократим расходы на новые гардины в западном крыле. Мисс Моррис улыбнулась почти с восхищением.

— Вы действительно не умеете быть равнодушной, Ваша Светлость. Амелия хотела ответить что-то лёгкое, но внезапно перед глазами всё поплыло. Она замерла. Пол словно качнулся под ногами.

— Ваша Светлость? Шум в голове стал слишком громким. Амелия машинально схватилась за край стола.

— Всё... в порядке... Но в ту же секунду к горлу подступила тошнота. Настолько сильная, что ей пришлось отвернуться. Мисс Моррис мгновенно побледнела.

— Немедленно позовите врача! — приказала она кому-то за дверью.

— Не нужно...

— Нужно. Амелия медленно опустилась в кресло. Сердце билось слишком быстро. Виски пульсировали. Перед глазами всё ещё стояла мутная дымка. Ей вдруг стало страшно.

Врач приехал быстро. Невысокий пожилой мужчина долго расспрашивал её об усталости, головокружении и питании, а затем устало снял очки.

— Вы слишком много работаете, Ваша Светлость. Амелия чуть не рассмеялась. Это ей говорили все.

— Вам нужно больше отдыхать, меньше нервничать и проводить меньше времени за бумагами.

— Это невозможно.

— Тогда ваш организм продолжит протестовать. Он дал ей несколько настоек, посоветовал спокойствие и свежий воздух. Когда Джеймс приехал за ней, на улице уже начинало темнеть. Он вошёл в кабинет быстро и сразу направился к Амелии.

— Что случилось?

— Ничего страшного, — устало сказала она. — Я просто переутомилась. Джеймс посмотрел на врача. Тот спокойно кивнул.

— Герцогине необходим отдых.

— Я говорил ей это месяцами, — сухо произнёс Джеймс. Амелия тихо фыркнула.

— Вот видите? Даже врачи на моей стороне, — заметил он.

— Это заговор. Впервые за день он всё-таки улыбнулся, но тревога из его взгляда не исчезла.

Обратно они ехали молча. Дождь тихо стучал по крыше экипажа, а за окнами медленно проплывали тёмные поля и редкие огни деревень. Амелия устало прислонилась головой к стенке кареты.

— Ты слишком много работаешь, — наконец тихо сказал Джеймс.

— И ты тоже.

— Я хотя бы не падаю в обморок в академии.

— Это было не настолько драматично.

— Мисс Моррис прислала мне записку с фразой «герцогине стало плохо». Как, по-вашему, я должен был это воспринять? Амелия виновато улыбнулась. Джеймс осторожно взял её за руку.

— Я просто переживаю за вас. Она переплела пальцы с его пальцами.

— Я знаю. Некоторое время они ехали молча, а потом Амелия тихо произнесла:

— Как думаешь... Томас правда пойдёт служить? Джеймс медленно выдохнул. Вот что тревожило его не меньше ака-

демии.

— Думаю, да.

— Он слишком молодой.

— Именно поэтому считает себя бессмертным. Амелия грустно улыбнулась. За последние месяцы Томас действительно изменился. Стал серьёзнее. Будто пытался доказать миру — и себе самому — что уже стал мужчиной.

— Мне страшно за него, — прошептала она. Джеймс долго смотрел в окно.

— Мне тоже.

Вечером Рейвеншир встретил их привычным теплом. В каминах уже горел огонь, слуги зажгли лампы, а ветер за окнами всё усиливался, принося с собой запах сырой осени. Позже, уже в спальне, Амелия долго сидела у туалетного столика, медленно снимая шпильки из волос. Джеймс стоял у окна.

— Если Томас действительно решит ехать, ты его не остановишь, да? Он покачал головой.

— Нет. Амелия опустила взгляд.

— Иногда мне кажется, что всё вокруг начинает меняться слишком быстро. Джеймс подошёл ближе и осторожно коснулся её плеча.

— Тогда давайте хотя бы дома оставим всё прежним. Она подняла на него уставшие глаза и впервые за весь день ей вдруг снова стало спокойно.

Следующие несколько дней Амелия почти не появлялась в академии. По настоянию Джеймса. Вернее — по его очень спокойному, очень вежливому и совершенно непреклонному настоянию.

— Вы не умрёте, если хотя бы два дня проведёте дома, — заявил он утром за завтраком.

— Это звучит как угроза.

— Это звучит как просьба человека, который не хочет снова получать записки о том, что его жена едва не потеряла сознание среди бумаг. Амелия тихо фыркнула, но спорить сил действительно не было. Усталость не проходила. Она стала какой-то странной — тягучей, непривычной. Иногда Амелии казалось, будто тело живёт отдельно от неё самой. Поэтому утром она всё-таки осталась в Рейвеншире. Поместье медленно готовилось к зиме. Слуги снимали часть летнего декора, в коридорах становилось теплее от постоянно растопленных каминов, а комнаты постепенно наполнялись тяжёлым запахом дерева, воска и осенних цветов. Амелия занималась домом почти весь день. Разговаривала с гувернантками, проверяла комнаты для зимних гостей, выбирала новые ткани для малой гостиной. Она даже распорядилась перевесить несколько картин в западном крыле, потому что «там слишком мрачно для ноября».

— Ваша Светлость, — осторожно заметила одна из гувернанток, пока слуги переносили массивную раму, — эта картина висела там больше двадцати лет.

— Значит, пришло время перемен. Женщина смущённо улыбнулась, а Амелия поймала себя на мысли, что ей действительно становится легче, когда руки и мысли чем-то заняты. Она сама руководила перестановкой мебели в малой гостиной, долго спорила с экономкой о цвете новых штор и лично выбирала, какие книги оставить на столиках у камина. Всё это было удивительно обычным. Спокойным, домашним и именно этого ей сейчас не хватало больше всего. После полудня Леди Элеанор пригласила её пить чай в зимнюю гостиную. За окнами шёл мелкий дождь, в камине тихо потрескивал огонь, а сама гостиная утопала в мягком золотистом свете ламп. Леди Элеанор сидела в кресле у окна с вышиванием на коленях. Как всегда идеально спокойная. Рядом на маленьком столике уже стоял фарфоровый чайный сервиз и тарелка с пирожными.

— Вы сегодня выглядите лучше, — заметила она, когда Амелия села напротив.

— Потому что сегодня меня никто не заставлял читать финансовые отчёты.

— Значит, мне следует запретить Джеймсу приносить вам бумаги домой.

— Тогда он начнёт приносить их сам себе и станет ещё скучнее. В уголках губ Леди Элеанор появилась мягкая улыбка. Они говорили о доме, о подготовке к зиме, о новой преподавательнице в академии. Амелия постепенно расслаблялась. До того момента, пока не взяла маленькое пирожное

с лимонным кремом. Сладкий запах внезапно ударил слишком резко. К горлу моментально подступила тошнота. Амелия быстро поставила тарелку обратно. Слишком резко. Леди Элеанор сразу подняла взгляд.

— Амелия?

— Всё хорошо. Но даже ей самой собственный голос показался неубедительным. Она отвернулась к окну, пытаясь медленно вдохнуть. Тошнота отступала так же внезапно, как появилась, но неприятная слабость осталась. Леди Элеанор внимательно наблюдала за ней несколько секунд. Очень внимательно.

— Вам часто становится плохо? Амелия устало выдохнула.

— Последнюю неделю, наверное.

— Только последнюю?

— Да.

— А врач?

— Сказал, что я слишком много работаю. Леди Элеанор медленно отложила вышивание. В комнате стало очень тихо. Только дождь стучал по стеклу.

— И это всё?

— Да. Амелия машинально коснулась чашки с чаем. Леди Элеанор смотрела на неё так внимательно, что внутри неожиданно появилось странное напряжение.

— Амелия... Она подняла глаза.

— Когда у вас последний раз был цикл? Мир будто замер.

Амелия медленно моргнула, а потом вдруг почувствовала, как внутри всё холодеет. Потому что она не помнила. Точнее — не обращала внимания. После диагноза она перестала считать дни. Сердце вдруг начало биться слишком быстро.

— Я... Она запнулась.

После разговора с Леди Элеанор Амелия не могла успокоиться. Весь вечер внутри неё словно жило что-то беспокойное, дрожащее, почти болезненное. Мысли путались, сталкивались друг с другом, не давая ни за что ухватиться. Это невозможно. Доктор сказал совершенно другое. Он был уверен. Она сама уже смирилась. Так почему теперь сердце билось так, будто снова позволило себе надеяться? Амелия медленно ходила по спальне, даже не замечая этого. За окнами Рейвеншира шумел дождь, ветер бился в стёкла, старые деревья в саду гнулись под порывами осенней бури, а камин в комнате горел тихо и ровно, наполняя спальню золотистым светом, но внутри неё было холодно. Она остановилась возле окна и обхватила себя руками. Нельзя снова верить во что-то подобное. Потому что если это окажется ошибкой... если всё снова разрушится... Она не выдержит второй раз. Дверь спальни тихо открылась. Амелия вздрогнула. Джеймс вошёл в комнату, снимая перчатки. Он сразу понял: что-то не так. Просто за последние годы он научился чувствовать её настроение раньше слов.

— Что случилось? Амелия слишком быстро отвернулась

к окну.

— Ничего.

— Амелия. Этот спокойный голос всегда действовал опасно. Потому что рядом с ним ей хотелось говорить правду. Даже когда правда пугала её саму. Она молчала. Джеймс подошёл ближе.

— Мама сказала мне, что после чая вы резко ушли к себе. Амелия закрыла глаза. Леди Элеанор ничего не сказала прямо, но Джеймс всё равно заметил бы. Он замечал всё.

— Она просто задала мне странный вопрос.

— Какой? Амелия медленно повернулась к нему. И вдруг поняла, насколько сильно боится произнести это вслух. Потому что тогда надежда станет реальной. А значит — её снова можно будет потерять.

— Она спросила... — голос дрогнул, — когда у меня последний раз был цикл. Джеймс замер. Совсем неподвижно. Будто даже дышать перестал. Амелия почти физически почувствовала, как изменилось выражение его лица. Тот же страх. Та же осторожность. Потому что он тоже помнил врача. Помнил её слёзы. Помнил, как собирал её с пола спальни по кусочкам.

— Амелия... Она резко покачала головой.

— Нет. Не надо.

— Что?

— Смотреть так. Джеймс нахмурился.

— Как? Она судорожно вдохнула.

— Будто это возможно. Эти слова прозвучали почти болезненно. Он долго смотрел на неё молча. А потом очень тихо спросил:

— А если возможно? Амелия почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Тогда почему доктор сказал другое?

— Врачи тоже ошибаются.

— Или Леди Элеанор ошибается.

— Или нет. Она резко отвернулась. Она не могла снова позволить себе надеяться так сильно. Потому что тогда падать будет ещё больнее.

— Я боюсь, — честно прошептала Амелия. Эти слова прозвучали настолько тихо, что Джеймс сначала едва их слышал, но после них в комнате словно исчезло всё остальное. Остались только они двое. Он медленно подошёл ближе. Будто боялся спугнуть её.

— Я тоже. Амелия подняла на него глаза. И впервые за весь вечер увидела: он действительно боится не меньше неё. Потому что если всё снова окажется ошибкой — он снова увидит, как ей больно. Джеймс медленно взял её руки в свои.

— Но если есть хотя бы малейшая вероятность... мы должны узнать. Амелия закрыла глаза. Сердце билось слишком быстро. Она ненавидела эту надежду. Ненавидела то, как быстро она снова оживала внутри. Словно всё это время только и ждала возможности вернуться.

— А если потом всё исчезнет? — тихо спросила она.

Джеймс медленно притянул её к себе.

— Тогда мы переживём это вместе. Эти слова почти разбили её окончательно. Потому что именно в этом и была вся их любовь. Не в красивых обещаниях, а в том, что даже боль они всегда несли вдвоём. Ночью Амелия так и не смогла уснуть. Она лежала рядом с Джеймсом, слушая шум дождя за окнами и собственное сердце. Мысли путались. Она вспоминала тот кабинет врача. Слова: «Вы не сможете иметь детей.» Вспоминала собственные слёзы. Пол спальни. Пустоту внутри. И теперь — эту невозможную, страшную надежду. Амелия осторожно выбралась из постели и подошла к окну. Рейвеншир спал. Сад тонул в темноте и дожде, а фонари возле аллеи едва мерцали сквозь туман. Она обхватила себя руками. И именно в этот момент позади послышались шаги. Джеймс подошёл почти бесшумно. Несколько секунд он просто стоял рядом. Потом тихо спросил:

— Вы совсем не спали? Амелия покачала головой.

— А если они ошиблись тогда? Эти слова прозвучали почти шёпотом, но Джеймс услышал. Он медленно выдохнул и впервые за долгое время Амелия увидела, как в его глазах появляется что-то почти беззащитное. Та самая, которую они оба боялись впустить. Он осторожно коснулся её лица.

— Тогда это будет чудо. Амелия почувствовала, как глаза начинает жечь.

— Не говори так...

— Почему?

— Потому что я боюсь поверить. Джеймс прижался лбом к её лбу.

— Я тоже. Несколько секунд они просто стояли в тишине. Под шум дождя. Под биение двух слишком испуганных сердец.

— Никому пока не скажем, — тихо произнесла Амелия.

— Конечно.

— Даже Вивиан.

— Особенно Вивиан. Она случайно объявит об этом всему графству к обеду. Амелия невольно тихо рассмеялась и этот маленький смех неожиданно разрядил напряжение между ними. Утром дождь так и не закончился. Небо над Рейвенширом было тяжёлым и серым, а дорога к городу тонула в тумане. Амелия сидела в экипаже напротив Джеймса и смотрела на собственные руки. Они дрожали. Джеймс ничего не говорил. Только крепко держал её ладонь в своей. Иногда этого было достаточно. Карета мягко покачивалась на мокрой дороге. За окнами проплывали голые деревья, осенние поля и редкие огни деревень. И чем ближе они становились к городу — тем сильнее внутри рос страх. Потому что через несколько минут их жизнь могла измениться навсегда. В любую сторону.

Дождь не прекращался с самого утра. Город встретил их тяжёлым серым небом, мокрыми мостовыми и холодным ветром, который пробирался даже сквозь плотные стены экипажа. Амелия сидела напротив Джеймса, крепко сцепив

пальцы на коленях. Она почти не чувствовала собственных рук, только сердце. Джеймс молчал и именно это пугало её сильнее всего. Обычно он всегда находил слова: успокоить, отвлечь, защитить, но сегодня он тоже боялся. Амелия видела это по тому, как напряжена его челюсть, как крепко он держит её ладонь, как слишком долго смотрит в окно, будто пытается сохранить спокойствие хотя бы внешне. Карета остановилась возле лечебницы. На мгновение Амелии захотелось попросить кучера ехать обратно. Туда, где не было надежды, а значит — не было риска снова всё потерять, но Джеймс уже вышел первым и протянул ей руку. Она вложила пальцы в его ладонь почти машинально и позволила ему помочь себе выйти.

Лечебница выглядела точно так же, как в прошлый раз. Те же длинные коридоры. Те же светлые стены. Тот же запах лекарств и трав. Амелия почувствовала, как внутри всё холодеет, потому что именно здесь несколько месяцев назад её жизнь будто разломали пополам. Она слишком хорошо помнила тот кабинет. Слова врача, шум в ушах и ощущение, будто весь мир внезапно стал пустым. Теперь ей казалось, что стены помнят это тоже. Доктор Уитмор встретил их лично и едва увидев обоих, сразу понял: что-то изменилось. Амелия заметила, как его взгляд задержался на ней чуть дольше обычного.

— Ваша Светлость.

— Доктор. Он пригласил их в кабинет. Тот же самый ка-

бинет. Амелии стало трудно дышать. Она села в кресло почти автоматически, не отпуская руки Джеймса. Доктор Уитмор задал несколько вопросов: о самочувствии, об усталости, о головокружении, о приступах тошноты. Амелия отвечала тихо и коротко, а внутри всё сильнее росло ощущение нереальности происходящего. Потом доктор попросил её подождать и эти несколько минут ожидания показались ей бесконечными. Часы на стене тикали слишком громко, за окном шумел дождь. Джеймс сидел рядом неподвижно, но Амелия чувствовала: его ладонь тоже слегка дрожит. Она осторожно посмотрела на него. И вдруг поняла: он надеется. Несмотря ни на что — надеется. От этого стало ещё страшнее. Наконец дверь кабинета снова открылась. Доктор Уитмор вернулся с бумагами в руках. И выглядел он... растерянным. Это Амелия заметила сразу. Не спокойным. Не уверенным. Растерянным. Он медленно снял очки. Посмотрел сначала на неё. Потом на Джеймса. И несколько секунд молчал. Слишком долго. Сердце Амелии болезненно сжалось.

— Доктор? — тихо произнёс Джеймс. Тот медленно выдохнул.

— Ваша Светлость... полагаю, произошло то, что медицина иногда не может объяснить. Амелия почувствовала, как перестаёт слышать всё вокруг. Будто мир внезапно ушёл куда-то очень далеко.

— Вы беременны. Амелия смотрела на доктора, не моргая. Она неправильно услышала. Доктор Уитмор сам гово-

рил... Сам был уверен...

— Вы уверены?.. — её голос прозвучал почти шёпотом. Доктор медленно кивнул.

— Да, Ваша Светлость. Амелия почувствовала, как внутри всё начинает дрожать.

— Но... вы говорили... Доктор тяжело выдохнул.

— Иногда организм способен удивлять даже врачей. Она медленно опустила взгляд. Беременна. Это слово будто не помещалось в сознании. После попыток смириться. Джеймс всё это время молчал. Амелия повернулась к нему и впервые за всё время увидела его таким. У него действительно дрожали руки. Совсем слегка, но Амелия заметила. Джеймс сидел неподвижно, глядя куда-то перед собой так, будто пытался осознать услышанное. Будто внутри него сейчас рушилось что-то огромное. Будто что-то, похороненное им давным-давно, внезапно снова ожило.

— Джеймс... — тихо выдохнула Амелия. Он медленно повернул голову к ней и в его глазах было столько эмоций одновременно, что у неё перехватило дыхание. Счастье. Страх. Неверие. И любовь. Такая огромная, что она почти причиняла боль. Он осторожно взял её лицо в ладони. Так бережно, словно боялся спугнуть этот момент.

— Это правда? — почти шёпотом спросил он у врача. Доктор Уитмор слабо улыбнулся.

— Более чем. Амелия почувствовала, как глаза начинают жечь, но слёзы всё ещё не приходили. Она будто до конца

не верила, что это происходит с ней. Когда они вышли из лечебницы, дождь всё ещё шёл. Город жил своей обычной жизнью: ехали экипажи, куда-то спешили люди, шумели улицы, а Амелии казалось, будто мир вокруг стал другим. Она осталась прямо на ступенях лечебницы. И вдруг поняла: у неё дрожат колени. Джеймс сразу оказался рядом.

— Амелия— И именно в этот момент её наконец прорвало. Слезы хлынули резко и неожиданно. Она закрыла лицо руками, пытаясь вдохнуть, но вместо этого только всхлипывала всё сильнее. Не от боли. От счастья, которое было слишком огромным. Джеймс тут же обнял её. Так, будто весь мир действительно мог сейчас это отнять. Амелия прижалась к нему, чувствуя, как дрожит уже не только она. Он тоже.

— Всё хорошо... — хрипло прошептал Джеймс ей в волосы. — Всё хорошо... Но голос у него самого сорвался. И тогда Амелия впервые поняла: он страдал не меньше неё. Просто всегда молчал об этом. Они ещё долго стояли под дождём, не замечая холода. Будто пытались удержать этот момент внутри себя навсегда.

Домой они возвращались совсем другими людьми. В экипаже Амелия сидела рядом с Джеймсом, а не напротив, как обычно. Он не отпускал её руку ни на секунду. Иногда просто смотрел на неё так, будто всё ещё не мог поверить и каждый раз от этого взгляда сердце Амелии сжималось снова. От счастья. Такого, которого она уже не ждала.

— Мы никому пока не скажем? — тихо спросила она.

Джеймс осторожно коснулся губами её виска.

— Пока нет. Амелия кивнула. Это счастье пока хотелось спрятать. Позже вечером, уже в спальне, она сидела у камина, завернувшись в тёплый плед. В комнате было тихо. Только потрескивал огонь. Джеймс подошёл ближе и медленно опустился перед ней на колени. Амелия замерла. Он осторожно, почти неверяще, коснулся ладонью её живота. Со всем легко. Будто боялся. А потом тихо прошептал:

— Наш ребёнок... И Амелия впервые за долгие месяцы улыбнулась по-настоящему счастливой улыбкой.

После лечебницы мир будто стал другим. Тем же самым — и одновременно совершенно новым. Рейвеншир всё так же встречал их тёплым светом окон, запахом каминов и тихим шумом старого поместья. В саду всё так же осыпались последние осенние листья, Вивиан всё так же спорила с Томасом за ужином, а в академии ученицы продолжали опаздывать на лекции мисс Моррис, но теперь внутри Амелии жила тайна и иногда ей всё ещё казалось, будто стоит моргнуть — всё исчезнет. Первые дни она буквально боялась собственного счастья. Просыпалась ночью и прислушивалась к себе... Любое лёгкое недомогание пугало её. Любая усталость заставляла сердце болезненно сжиматься, но больше всего её поражал Джеймс. Он изменился почти сразу. Только для неё, теперь он лично следил, чтобы она завтракала, запрещал поднимать тяжёлые папки, бесконечно спрашивал, не устала ли она, хмурился, если она слишком долго задер-

живалась в академии.

— Джеймс, я беременна, а не смертельно больна, — не выдержала Амелия однажды утром, когда он лично забрал у неё стопку документов.

— Пока вы беременны, я не вижу особой разницы. Она тихо рассмеялась. Они сидели в малой столовой Рейвеншира. За окнами медленно кружились последние листья, а на серебряном чайнике отражался тёплый свет камина. Джеймс выглядел непривычно расслабленным. В последние дни он вообще стал чаще улыбаться.

— Вы слишком переживаете, — мягко сказала она.

— Да.

— Даже спорить не будете?

— Нет. Он спокойно отпил кофе.

— Я слишком долго думал, что этого никогда не случится. Эти слова прозвучали так тихо, что у Амелии болезненно дрогнуло сердце. Она медленно накрыла его ладонь своей. Иногда ей казалось: они оба всё ещё боятся поверить настоящему. В академии Амелия старалась вести себя как обычно. Именно старалась, но теперь всё ощущалось иначе. Коридоры казались шумнее. Свет — ярче. Жизнь вокруг — живее. Иногда во время лекций она вдруг ловила себя на странной мысли: однажды её ребёнок тоже будет читать книги, задавать вопросы, смеяться и от этих мыслей сердце сжималось так сильно, что становилось трудно дышать. Она никому ничего не говорила. Даже подругам. Хотя Розмари уже

начинала подозрительно щуриться каждый раз, когда Амелия отказывалась от вина.

— Либо ты заболела, либо что-то скрываешь, — заявила она однажды за чаем.

— Возможно, я просто наконец стала разумным человеком.

— Нет, это звучит неправдоподобно. Кэтрин тихо рассмеялась. Лили улыбнулась, а Амелия почувствовала, как внутри поднимается странное, почти болезненное счастье. Она сидела среди подруг и впервые за долгие месяцы ей хотелось будущего. Однажды вечером Джеймс приехал за ней в академию позже обычного. Осенний ветер кружил листья во внутреннем дворе, а окна классов светились мягким жёлтым светом. Амелия вышла к экипажу с папкой бумаг в руках. Джеймс посмотрел на неё крайне неодобрительно.

— Что?

— Вы опять носите тяжёлое.

— Это бумаги.

— Это тяжёлые бумаги.

— Вы становитесь невыносимым.

— Поздно жаловаться. Вы сами вышли за меня замуж. Она невольно рассмеялась и этот смех прозвучал так легко, что Джеймс замер на секунду. Потом вдруг очень мягко коснулся её щеки.

— Вот такой вы мне нравитесь больше всего. Амелия почувствовала, как сердце пропустило удар. Иногда ей каза-

лось: после всей боли они начали любить друг друга ещё сильнее. Будто пережитое не разрушило их — а наоборот, сделало ближе. В экипаже они долго обсуждали академию. Амелия рассказывала о новых курсах, о девушках, которых хотела отправить на медицинскую практику, о преподавательницах.

Джеймс слушал её с тем особенным выражением лица, которое она уже научилась узнавать.

— Вы понимаете, что половина графства считает вас опасной женщиной? — спокойно заметил он.

— Только половина?

— Вторая половина пока просто боится признаться.

— Отлично. Значит, всё идёт по плану. Он тихо усмехнулся. Потом вдруг стал серьёзнее.

— Амелия.

— М?

— Вы счастливы? Она удивлённо посмотрела на него. За окнами экипажа медленно тянулись мокрые осенние поля, небо было низким и серым, а внутри кареты горел маленький фонарь, отбрасывая тёплый свет на лицо Джеймса.

— Да, — очень тихо ответила она и впервые за долгое время сказала это абсолютно искренне. Вечером в Рейвеншире снова говорили о политике. Газеты становились всё тревожнее. В парламенте спорили о войсках. На границах росло напряжение. В столице всё чаще обсуждали возможность войны. Томас читал статьи с почти опасным интересом.

— Если всё действительно начнётся, многие пойдут добровольцами.

— Ты говоришь так, будто собираешься на бал, — сухо заметила Вивиан.

— Кто-то должен думать не только о балах.

— А кто-то должен иметь мозги. Леди Элеанор устало прикрыла глаза.

— Пожалуйста. Хотя бы за ужином. Но даже за семейным столом напряжение уже ощущалось. Будто мир за пределами Рейвеншира постепенно становился темнее. Амелия вдруг почувствовала резкую усталость. Такую сильную, что стало трудно слушать разговор дальше. Джеймс сразу заметил. Он осторожно коснулся её руки под столом.

— Вы устали.

— Немного.

— Это означает «очень». Вивиан прищурилась.

— Почему вы оба разговариваете так, будто скрываете государственную тайну? Амелия едва не подавилась чаем. Джеймс абсолютно спокойно отпил вина.

— Потому что вы слишком любопытны.

— Это семейная черта.

— Тогда мне остаётся только посочувствовать вашему будущему мужу. Вивиан фыркнула, но Амелия заметила: Леди Элеанор очень внимательно посмотрела сначала на неё, потом на Джеймса. Она знала. Конечно, знала. Позже ночью Амелия лежала рядом с Джеймсом, слушая ветер за окнами.

В комнате было темно и тепло. Камин давно погас, а единственным звуком оставалось тихое дыхание дома. Джеймс осторожно притянул её ближе к себе. И вдруг очень тихо спросил:

— Как думаете... на кого он будет похож? Амелия замерла. Сердце дрогнуло так сильно, что стало больно. Он впервые сказал это вслух. Она медленно подняла голову.

— Почему именно он?

— Потому что если будет девочка, она разобьёт мне сердце. Амелия тихо рассмеялась. Потом осторожно коснулась его щеки.

— А если мальчик? Джеймс задумался.

— Тогда он разобьёт нервы мне и Томасу одновременно. Она снова рассмеялась. Впервые за всё это время позволила себе не просто надеяться, а мечтать.

Глава 7.

Первый снег выпал ночью. Амелия поняла это ещё до того, как открыла глаза. В Рейвеншире стало необычайно тихо. Не было слышно ветра, дождя или привычного шума мокрых ветвей за окнами — только глубокая зимняя тишина, которая всегда приходила вместе со снегом. Она медленно приподнялась на локте и посмотрела в окно. Сад был белым. Крыши поместья, старые дубы, каменные дорожки — всё укрыл тонкий слой свежего снега, мягко сиявшего в утреннем свете. Амелия невольно улыбнулась и в ту же секунду почувствовала, как Джеймс, всё ещё не открывая глаз, осто-

рожно притянул её обратно к себе.

— Не уходите, — хрипло пробормотал он.

— Я только смотрела на снег.

— Снег никуда не денется. Амелия тихо рассмеялась. В последние недели Джеймс окончательно превратился в человека, который считал своим долгом следить буквально за каждым её движением. Он лично проверял, тепло ли в её комнате, ругался, если она слишком долго работала, заставлял отдыхать и теперь ещё считал, что ей нельзя слишком быстро вставать с постели.

— Вы становитесь пугающе заботливым, — сонно заметила она.

— Поздно жаловаться. Он наконец открыл глаза и медленно коснулся губами её виска. Амелия замерла на мгновение. Иногда ей всё ещё казалось, будто всё происходящее — слишком хрупкое, слишком хорошее, слишком невозможное. Будто счастье может исчезнуть, если говорить о нём слишком громко.

К Рождеству Рейвеншир всегда преображался. Поместье наполнялось запахом хвои, корицы и горячего вина, слуги украшали лестницы еловыми ветвями, а в главном зале уже установили огромную рождественскую ель почти до потолка. Вивиян руководила украшением дома с таким видом, будто ей доверили управление государством.

— Нет, эти ленты ужасны.

— Мисс Блэквуд, они золотые.

— Именно. А должны быть тёмно-зелёными. Томас, сидевший на лестнице с книгой, даже не поднял головы.

— Ты уже третий час терроризируешь несчастных слуг из-за цвета ленточек.

— Это называется вкус.

— Это называется безумие.

— Мужчины ничего не понимают в красоте.

— Слава Богу. Амелия тихо рассмеялась, наблюдая за ними. Она сидела у камина в светлом шерстяном платье с длинными рукавами, держа в руках чашку чая. За последние недели её лицо словно снова ожило. Щёки чуть порозовели. Во взгляде появился свет. Даже Леди Элеанор заметила это и хотя никто, кроме неё и Джеймса, ещё не знал правду, в доме будто уже постепенно менялась атмосфера.

— Амелия, — Вивиан резко обернулась к ней. — Скажи честно. Ты в последнее время какая-то слишком загадочная. Джеймс, стоявший у ёлки, едва заметно напрягся. Амелия спокойно отпила чай.

— Возможно, я просто взрослею. Вивиан подозрительно прищурилась.

— Нет. Это звучит ещё менее правдоподобно, чем обычно. Томас тихо фыркнул. Леди Элеанор спрятала улыбку за чашкой чая и Амелия внезапно поняла: они с Джеймсом действительно уже живут внутри этой тайны вдвоём. Как будто между ними появилось что-то ещё и это ощущение одновременно пугало и делало её бесконечно счастливой. В

академии перед праздниками царил настоящий хаос. Ученицы украшали классы, преподаватели спорили о зимнем расписании, кто-то репетировал рождественское выступление. Амелия медленно шла по коридору, слушая этот шум. Ещё несколько месяцев назад будущее казалось ей пустым и холодным. Теперь — нет. Теперь впереди снова была жизнь. В кабинете мисс Моррис раскладывала письма и списки учениц.

— Ваша Светлость, родители мисс Хейз снова прислали благодарность за содержание девочек. Амелия улыбнулась.

— Они не должны благодарить меня за то, что дети получают образование.

— Мир пока считает иначе. Амелия задумчиво посмотрела в окно. За стеклом медленно падал снег.

— Тогда миру придётся измениться. Мисс Моррис внимательно посмотрела на неё.

— Вы стали счастливее. Амелия удивлённо подняла глаза.

— Что?

— Раньше вы будто постоянно сражались с чем-то внутри себя. Она замолчала.

— А теперь... нет. Амелия почувствовала, как сердце тихо сжалось. Она не ответила, но впервые за долгое время поняла : это правда. Тем вечером Рейвеншир утопал в свете свечей. Слуги закончили украшать главный зал, в каминах потрескивал огонь, а за окнами всё ещё медленно падал снег.

После ужина семья собралась возле ёлки. Томас снова

спорил с Вивиан — теперь уже о том, насколько вероятна война.

— В столице уже говорят о мобилизации, — серьёзно произнёс он.

— В столице всегда говорят о чём-то ужасном, — раздражённо ответила Вивиан. — Это их любимое развлечение.

— На этот раз всё серьёзнее. Леди Элеанор медленно подняла взгляд.

— Томас. Он замолчал, но ненадолго.

— Я просто не понимаю, почему все делают вид, будто ничего не происходит. Джеймс стоял у окна, задумчиво глядя на снег. Амелия вдруг заметила: он тоже напряжён. Сильнее, чем пытается показать. Газеты действительно становились всё тревожнее и даже уют Рейвеншира больше не мог полностью отгородить их от внешнего мира. Позже ночью Амелия спустилась вниз одна. Поместье уже спало. Только ёлка всё ещё тихо мерцала в полумраке главного зала. Она медленно подошла ближе. Свечи отражались в стеклянных игрушках, золотые ленты мягко переливались в свете огня, а за окнами медленно кружился снег. Амелия осторожно положила ладонь на живот. В этот момент позади послышались тихие шаги. Джеймс. Он подошёл ближе и молча обнял её со спины.

— Я знал, что найду вас здесь, — тихо сказал он. Амелия улыбнулась.

— Почему?

— Потому что вы всегда приходите сюда, когда слишком много думаете. Она прислонилась к нему спиной. Некоторое время они просто стояли молча. Под светом рождественской ёлки. Под тихий снег за окнами, а потом Джеймс очень осторожно накрыл ладонью её руку на животе. Амелия вдруг поняла: он уже любит этого ребёнка. Так сильно, будто тот уже появился в их жизни. Именно это неожиданно наполнило её сердце одновременно счастьем и страхом. Потому что теперь ей было что терять в в грядущее Рождество.

Рождественский вечер окутал Рейвеншир мягким золотым светом. За окнами медленно падал снег, покрывая сад и старые каменные дорожки пушистым серебром, а внутри поместья было тепло, шумно и удивительно живо. Главный зал сиял сотнями свечей. Высокая ель почти касалась потолка, украшенная стеклянными игрушками, золотыми лентами и белыми свечами, от которых по стенам плясали тёплые отблески. По перилам лестницы тянулись еловые ветви, перевитые лентами и маленькими огоньками. В воздухе смешались запахи: корицы, хвои, горячего вина, выпечки, свечного воска. Рейвеншир всегда был красив зимой, но в этом году всё ощущалось иначе. Будто сам дом стал теплее. Амелия стояла перед зеркалом в спальне, пока горничная осторожно застёгивала последние крючки на платье. Тёмно-зелёный бархат мягко облегал фигуру, длинные рукава были расшиты тонкой золотой нитью, а юбка тяжёлыми складками спадала к полу. Её волосы уложили мягкими локонами и

частично собрали наверх, открывая шею и тонкие серьги с изумрудами — подарок Джеймса ещё в первый год их брака. Она выглядела взрослее. И в то же время — необычайно мягко. Беременность пока почти не была заметна, но в её лице уже что-то изменилось. Амелия медленно коснулась пальцами своего отражения и сердце снова дрогнуло. Она всё ещё иногда не могла поверить в это до конца. Дверь спальни тихо открылась, Амелия подняла глаза в зеркало. Джеймс. Он замер на пороге буквально на секунду и этого оказалось достаточно, чтобы Амелия невольно улыбнулась. Тот самый взгляд, когда он смотрел на неё так, будто забывал обо всём остальном мире. Джеймс медленно подошёл ближе. Сегодня он был в чёрном вечернем костюме с тёмно-зелёным жилетом, идеально подчёркивающим его светлые глаза.

— Вы снова слишком долго смотрите, — тихо заметила Амелия.

— Я ваш муж. Это входит в мои обязанности. Она тихо рассмеялась. Джеймс остановился за её спиной и осторожно коснулся губами её виска.

— Вы прекрасны. Амелия прикрыла глаза. Иногда даже спустя три года брака ей всё ещё казалось невозможным, что её действительно так любят.

— Вы говорите это каждый раз.

— И каждый раз абсолютно искренне. Он медленно опустил взгляд ниже. Совсем ненадолго, но Амелия заметила и сердце снова сжалось от нежности.

— Вы нервничаете? — тихо спросил он. Она медленно кивнула.

— Немного.

— Всё будет хорошо.

— А если Вивиан начнёт кричать на весь дом?

— Это самый вероятный исход. Амелия рассмеялась уже громче.

К ужину в главном зале собралась вся семья. Леди Элеанор выглядела особенно торжественно в тёмно-синем платье с жемчугом, Вивиан появилась в серебристом наряде, который, по её словам, должен был «затмить рождественскую ель», а Томас пришёл последним и немедленно заявил, что:

— Если я услышу ещё хотя бы один рождественский гимн, уйду обратно в конюшни.

— Ты говоришь это каждый год, — спокойно заметила Вивиан.

— И каждый год это правда. Даже за праздничным столом атмосфера последних месяцев ощущалась где-то на фоне. В газетах всё чаще говорили о напряжении. Томас несколько раз пытался поднять эту тему снова, но Леди Элеанор быстро пресекала разговор.

— Сегодня Рождество, — твёрдо сказала она. — И хотя бы один вечер я хочу провести без разговоров о войне. Наступила короткая тишина. Потом Вивиан демонстративно подняла бокал:

— За мир, вино и людей, которые не портят праздничный

ужин политикой.

— То есть не за Томаса, — невозмутимо добавил Джеймс.

— Именно. Все рассмеялись. Амелия сидела рядом с Джеймсом и чувствовала, как внутри постепенно нарастает волнение. Они собирались сказать сегодня. И чем ближе становился этот момент — тем сильнее дрожали пальцы. Под столом Джеймс осторожно переплёл свои пальцы с её. После ужина семья перешла к камину. Слуги унесли часть посуды, за окнами всё ещё падал снег, а огромная ель мягко мерцала в полумраке главного зала. Вивиан устроилась в кресле с бокалом вина. Леди Элеанор сидела у огня с удивительно спокойным лицом. Амелия чувствовала, как сердце начинает биться всё быстрее. Джеймс поднялся первым и сразу в комнате стало тише. Он посмотрел на Амелию, потом взял её за руку.

— Думаю... — спокойно начал он, — в следующем году в Рейвеншире станет на одного Блэквуда больше. Тишина. Вивиан моргнула первой. Потом резко вскочила с кресла.

— ЧТО?! Томас уставился на них так, будто впервые в жизни потерял способность говорить. Леди Элеанор медленно прикрыла рот рукой. Амелия почувствовала, как пальцы Джеймса крепче сжали её руку.

— Вы... — Вивиан смотрела то на неё, то на Джеймса совершенно ошеломлённо. — Вы серьёзно?.. Амелия тихо улыбнулась. В следующую секунду Вивиан буквально бросилась к ней.

— Боже мой... Боже мой, Эми... Она крепко обняла её, смеясь и почти плача одновременно.

— Я сейчас умру от счастья.

— Не смей, — сквозь смех выдохнул Томас. — Мама этого не переживёт, но голос у него самого дрогнул. Леди Элеанор поднялась медленно. Только глаза у неё блеснули. Она подошла к Амелии и осторожно коснулась её щеки.

— Моя девочка... И именно от этих слов у Амелии внезапно защемило глаза. Потому что после смерти собственной матери, после Эшборна, после одиночества — она снова чувствовала себя чьей-то дочерью. Томас наконец пришёл в себя.

— Подождите... значит, я стану дядей?

— К сожалению, да, — невозмутимо ответила Вивиан.

— Это ужасно. Ребёнок научится сарказму раньше, чем говорить. Джеймс всё это время смотрел только на Амелию. Будто не мог перестать. С такой любовью, что у неё снова болезненно сжималось сердце.

Позже вечером, когда шум немного стих, Леди Элеанор нашла Амелию одну возле рождественской ёлки. Свечи уже догорали, снег за окнами всё ещё медленно кружился в темноте, а весь Рейвеншир будто дышал теплом и светом. Амелия стояла молча, глядя на огни. Леди Элеанор подошла ближе.

— Вы счастливы? — тихо спросила она. Амелия медленно кивнула.

— Очень. Леди Элеанор некоторое время молчала. А потом неожиданно произнесла:

— Вы стали моей дочерью намного раньше, чем сегодня. У Амелии дрогнуло дыхание.

— Но сейчас... — голос Леди Элеанор стал мягче, — я будто окончательно это почувствовала. Амелия резко отвернулась, потому что глаза тут же наполнились слезами. Леди Элеанор осторожно обняла её. Так тепло. Так по-матерински.

Ночью они с Джеймсом долго не могли уснуть. За окнами тихо падал снег. Комната была наполнена мягким светом камина, а Рейвеншир наконец затих после шумного праздника. Амелия стояла у окна, завернувшись в тёплый халат. Джеймс подошёл сзади и осторожно обнял её. Она сразу расслабилась в его руках.

— О чём думаете? — тихо спросил он. Амелия улыбнулась.

— О том, что всё это кажется мне невозможным. Джеймс медленно коснулся губами её волос.

— А мне кажется, что так и должно было быть. Она повернулась к нему.

— Ты уже думал о детской? Он сделал слишком невинное лицо. Амелия тихо рассмеялась.

— Джеймс Блэквуд...

— Я всего лишь попросил показать мне комнаты восточного крыла.

— Конечно.

— И возможно, случайно узнал, где лучше утренний свет. Она покачала головой, смеясь сквозь слёзы, а потом Джеймс осторожно положил ладонь ей на живот. Так бережно, будто там уже находилось всё его сердце.

Январь выдался особенно холодным. Снег лежал глубокими сугробами вдоль дорог, окна Рейвеншира по утрам покрывались морозными узорами, а небо почти постоянно оставалось тяжёлым и белёсым, но внутри поместья жизнь продолжалась. Теперь в доме будто появилось новое дыхание. Даже слуги начали улыбаться чаще. Амелия замечала это. Как экономка стала мягче смотреть на неё. Как горничные шептались с сияющими лицами. Как Леди Элеанор иногда вдруг останавливалась посреди разговора и смотрела на неё с такой тихой материнской нежностью, что у Амелии начинало болезненно сжиматься сердце. А Джеймс... Джеймс, кажется, окончательно потерял способность вести себя спокойно.

— Вы опять не надели тёплый шарф.

— Джеймс, я иду из спальни в библиотеку.

— В доме сквозняки.

— В доме три камина на этаж.

— Сквозняки коварны. Амелия тихо рассмеялась, поправляя волосы. Они стояли в их спальне ранним утром. За окнами медленно кружил снег, а Джеймс, уже собранный для поездки в город, с абсолютно серьёзным видом поправ-

лял ей шарф, будто готовил её не к прогулке по дому, а к экспедиции на север.

— Вы стали невозможным.

— Поздно жаловаться. Он мягко коснулся её лба губами и в последнее время таких прикосновений стало больше. Мимолётных. Нежных. Почти бессознательных. Амелия замечала это и любила его за это ещё сильнее.

Через несколько дней к ней приехали подруги. Зимние встречи в Рейвеншире уже стали почти традицией. Лили ворвалась в поместье первой — раскрасневшаяся от мороза, смеющаяся и укутанная в светлый меховой воротник.

— Если я ещё раз застряну в снегу по дороге сюда, я перееду жить к вам окончательно.

— Джеймс этого не переживёт, — спокойно заметила Розмари, снимая перчатки.

— Почему?

— Потому что вас с Вивиан невозможно выдержать одновременно.

— Это неправда.

— Это медицинский факт. Амелия рассмеялась и в этот момент Кэтрин вошла в гостиную последней. Очень красивая. Как всегда. Сегодня на ней было тёмно-бордовое платье, идеально подчёркивающее светлую кожу и золотистые волосы. На шее поблёскивала тонкая бриллиантовая подвеска — наверняка подарок мужа. Только глаза всё равно оставались грустными. Амелия заметила это сразу. Подруги устроились

в малой гостиной возле камина. Слуги подали чай, горячие булочки с корицей и маленькие пирожные, а за окнами медленно падал снег. Разговор сначала был лёгким:

о зимних приёмах, о новых платьях, о сплетнях общества. Пока Вивиан внезапно не заявила:

— А теперь рассказывайте. Кто из вас наконец влюбился? Лили чуть не подавилась чаем. Розмари закатила глаза.

— Боже. Началось. Вивиан мгновенно повернулась к Лили.

— Так я была права.

— Нет!

— Это было слишком громкое «нет». Амелия улыбнулась, наблюдая, как Лили окончательно краснеет. Именно в такие моменты она снова видела в них девушек Эшборна. Только теперь они больше не были детьми.

— Он работает в городской библиотеке, — наконец сказала Лили, пряча лицо за чашкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.